

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

ПОЛИЛИНГВИЗМ И ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

Международный научный форум

Материалы свободных дискуссий,
постерной секции и круглого стола

Сборник статей

Екатеринбург, УрФУ,
20–23 мая 2019 г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ПОЛИЛИНГВИЗМ И ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

Международный научный форум
(Екатеринбург, УрФУ, 20–23 мая 2019 г.)

Материалы свободных дискуссий,
постерной секции и круглого стола

Сборник статей

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2019

УДК 37.013.43(063)
ББК Ч448.21я43
П501

Научные редакторы
М. Ю. Гудова, доктор культурологии,
профессор кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики и теории культуры УрФУ
О. В. Язовская, кандидат культурологии,
доцент кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики и теории культуры УрФУ

Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности :
П501 Междунар. науч. форум (Екатеринбург, УрФУ, 20–23 мая 2019 г.) :
материалы свободных дискуссий, постерной секции и круглого стола :
сб. ст. / под науч. ред. М. Ю. Гудовой, О. В. Язовской ; Урал. федер.
ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 110 с.

ISBN 978-5-7996-2811-6

В сборник вошли статьи российских ученых, принявших участие в свободных дискуссиях, постерной секции и круглом столе, захватывавших отдельные примеры феноменов полилингвизма и поликультурности современной эпохи постграмотности. В первой части сборника собраны статьи, рассматривающие пространство университета с точки зрения языковой и культурной полилингвальности. Во второй части представлены статьи, фокусирующиеся на мультимодальности и множественной грамотности. В третьей части сборника представлены статьи участников круглого стола, посвященного феномену имперскости в современной массовой культуре.

Сборник будет интересен ученым, занимающимся вопросами полилингвизма и поликультурности в рамках филологии, культурологии, политологии, социологии и философии.

УДК 37.013.43(063)
ББК Ч448.21я43

ISBN 978-5-7996-2811-6

© Уральский федеральный университет, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Международный научный форум «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности» прошел в Уральском гуманитарном институте УрФУ при участии Кембриджского центра УрФУ, Института Конфуция УрФУ, Уральского государственного педагогического университета, Уральского научного центра Российской академии образования 20–23 мая 2019 года. Работа форума объединила ученых УрФУ, представляющих департаменты философии, лингвистики, филологии, международных отношений, социологии и политологии, искусствознания и социокультурных технологий Уральского гуманитарного института.

В работе форума в целом приняло участие 239 участников из России (Арамилъ, Астрахань, Владимир, Екатеринбург, Заречный, Красноярск, Махачкала, Москва, Оренбург, Охотск, Пенза, Санкт-Петербург, Саратов), Австралии, Дании, Казахстана и Китая. Форум стал площадкой для плодотворного международного научного общения и обсуждения насущных проблем современной культуры в междисциплинарном методологическом ключе и концептуальном диалоге культур.

За четыре дня работы форума состоялись следующие события:

— пленарное заседание форума с участием ведущих мировых ученых в сфере полилингвизма и полилингвального открытого образования, сделавших следующие доклады: Билл Коуп (Австралия — США) «New Media Affordances: Pedagogical Alternatives in Technology-Medi-

ated Learning Environments», Мэри Калантцис (Австралия — США) «E-learning Ecologies: Innovative Approaches to Teaching and Learning for the Digital Age», Хайди Бойзен (Дания) «Plurilingual learning competency as symbolic capital — and as a strategy of resilience» и Фортеса Рафаэль Филиберто Фернандес (Куба — Россия) «Denial and Edulcoration in English Language Coursebooks: An Exercise in Critical Applied Linguistics»;

— мастер-классы Мэри Калантцис и Билла Коупа «Exploring the Affordances of Digital Spaces for the Development of Innovative Pedagogies: A Workshop Introducing the Scholar Platform», Хайди Бойзен «Setting up plurilingual spaces of learning in higher education: Conceptualization, organization, implementation and output experiences from Roskilde University», Татьяны Быстровой «Что и как мы можем рассказать, нарисовать, сделать, чтобы понять и показать полиязычие и поликультурность современного мира?»;

— первая секция «Университет как универсум языков и культур», модераторы: М. О. Гузикова, Т. П. Рассказова, Фортеса Рафаэль Филиберто Фернандес;

— вторая секция «Человек в ситуации виртуализации коммуникационно-образовательного пространства университета, вторжения “агентов рационального действия” в университетское сообщество, интерфейса электронного обучения», модераторы: Н. А. Симбирцева, А. А. Сухов;

— третья секция «Мультимодальность, множественная грамотность и культурный интеллект», модераторы: О. И. Ган, М. Ю. Гудова;

— круглый стол «Феномен имперскости в массовой культуре в эпоху постграмотности», модераторы: Ю. В. Гудова, О. В. Язовская;

— постерная сессия;

— итоговый круглый стол.

Научные результаты форума были оформлены в виде статей ведущих ученых — участников форума, подготовленных для публикации в изданиях различного формата. Все они будут учтены при разработке модели полилингвального образования в современном университете.

В настоящий сборник вошли статьи российских ученых, принявших участие в свободных дискуссиях, постерной сессии и круглом

столе, они описывают значимые примеры феноменов полилингвизма и поликультурности современной эпохи постграмотности. В первой части сборника собраны статьи, рассматривающие пространство университета как полилингвальный феномен и фокусирующиеся на опыте работы с иностранными студентами, особенностях формирования многоязычной компетенции, содержательной стороне подготовки переводчиков, региональные проблемы полилингвального образования на примере Республики Дагестан.

Во второй части представлены статьи, апеллирующие к мульти-модальности и множественной грамотности, в частности рассматривающие ренессанс грамотности, связь постграмотности и медиакоммуникации, а также особенности поликультурного взаимодействия на Европейском севере России.

В третьей части сборника представлены статьи участников круглого стола, посвященного феномену имперскости в современной массовой культуре, в ходе которого уточняются понятия имперскости и культурного империализма, прослеживается динамика ценности успеха как системообразующей составляющей американской имперскости на примере кинопроката США, характеризуются рудиментные представления об империи в современной народной поэзии России, дается оценка журналистских штампов как основы региональной идентичности Свердловской области и Долгого российского государства как новой национальной мифологии, а также представлена сравнительная характеристика такого инструмента имперскости и культурного империализма, как культурная дипломатия на примере России и Японии.

1. УНИВЕРСИТЕТ КАК УНИВЕРСУМ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

УДК 378–057.175:81+81'246

Е. А. Березовская

канд. филол. наук, доцент УрФУ

Т. И. Киришева

канд. филол. наук, зам. директора

ГКОУ СО «Школа-интернат № 17»,

Екатеринбург

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ И ПОЛИЛИНГВАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

В статье рассматриваются вопросы развития поликультурной и полилингвальной компетентностей преподавателей и иностранных студентов, представлено первичное обобщение опыта обучения китайских студентов. Авторами намечены пути повышения эффективности образования иностранных студентов в российском вузе, предложены конкретные методы и приемы, а также формы работы с этой категорией студентов.

Ключевые слова: поликультурная компетентность, полилингвальная компетентность, обучение иностранных студентов.

Поликультурная компетентность, по мнению исследователей, включает в себя поликультурную грамотность, умение действовать сообразно культурным особенностям субъектов деятельности (в нашем случае — субъектов образовательных отношений), а также способность организовывать эффективное культурное взаимодействие [1–4]. Под полилингвальной компетентностью мы понимаем наличие знаний и опыта, необходимых для общения на родном и иностранных языках с учетом специфики языков, речевой деятельности и достижения взаимопонимания. Поликультурная и полилингвальная компетентность преподавателя сегодня являются обязательными составляющими профессиональной компетентности преподавателя вуза, а также выступают как средство формирования этих компетентностей у иностранного студента и их успешного обучения в российском вузе [5].

Опираясь на опыт работы с китайскими студентами, мы можем говорить о следующих необходимых составляющих профессиональной компетентности преподавателя. Во-первых, педагогу необходимо иметь представление о китайской культуре (в первую очередь об этикете, традициях, особенностях менталитета). Например, знания об этикетных формах приветствия, прощания, обращения, привлечения внимания, невербальной коммуникации в Китае позволяют преподавателю создать доброжелательную атмосферу, быть вежливым, продемонстрировать уважение к иностранным студентам. С другой стороны, те же знания помогают педагогу сохранить толерантное отношение к обучаемым даже в тех ситуациях, когда кажется, что нормы поведения нарушены. Знания об отношении китайцев к образованию, обучению, учителю, «культе текста» помогут преподавателю методически адекватно выстроить работу с этой категорией студентов.

Во-вторых, для формирования поликультурной и полилингвальной компетентности китайских студентов считаем эффективным выстраивать работу с этой категорией обучающихся следующим образом. Преподавателю необходимо учитывать особенности китайского языка и значимые его отличия от русского языка (аналитический строй китайского языка, различия в выражении грамматического значения, частичная эквивалентность в лексическом составе этих

языков, традиционно сложные для РКИ морфологические категории русского глагола и отсутствие таковых в языке студентов, разнообразие морфологических показателей частей речи в русском языке и практически полное их отсутствие в китайском, проблемные для китайцев явления полисемии и омонимии в русском языке и прочие различия этих языков вплоть до значительных различий в просодике русской и китайской речи) [6].

Поэтому педагог в первую очередь должен адаптировать собственную речь, чтобы обучение китайских студентов достигало своей цели. Для этого на лекционных занятиях, к примеру, оптимально использовать прямой порядок слов в высказывании, следить за дикцией, избегать проявлений уральского произношения, ограничивать разговорную лексику, использовать слова в прямом значении, минимизировать употребление фразеологизмов (если это не является учебной задачей), упрощать синтаксический строй речи, быть сдержанным в жестике и мимике.

В обучении иностранных студентов зарекомендовали себя некоторые приемы специальной педагогики и логопедической работы. Например, учебный материал, сообщаемый иностранным студентам на занятии, должен усваиваться студентами при помощи нескольких анализаторов одновременно. Иными словами, китайский студент одновременно видит, слышит, а затем проговаривает то, что он должен запомнить, усвоить.

Весь учебный материал, предлагаемый преподавателем, должен быть по окончании занятия (вне зависимости от вида занятия) представлен в виде опорного конспекта. Такой конспект преподавателем, безусловно, готовится заранее, информация в нем представлена в виде схем, таблиц с использованием пиктограмм, иконок. Обязательным является наличие в опорном конспекте подстрочного перевода терминов и их дефиниций на китайский и английский языки (многие китайские студенты достаточно уверенно владеют английским языком, поэтому его успешно можно использовать как средство наглядности).

У опорных конспектов, на наш взгляд, большой потенциал. На их основе легко создавать удобные в обращении дидактические, учебно-методические и контрольно-измерительные материалы с исполь-

зованием перфокарт и метода наглядного моделирования, такие конспекты возможно перевести в электронный вид и, таким образом, подготовить электронный учебно-методический кейс для дистанционного обучения. Кроме того, они значительно облегчают подготовку китайских студентов к процедурам промежуточной аттестации.

Необходимым условием формирования поликультурной и полилингвальной компетентности китайских студентов считаем организацию их внеурочной деятельности. Китайцы очень мотивированы проводить больше времени с Лаоши (учителем) и легко соглашаются на любые формы общения. Погружение в российскую культуру, овладение русским языком успешно проходит через культурно-досуговые мероприятия: совместный поход в магазин, посещение выставки, совместный просмотр фильма с последующим обсуждением проблематики, культурной специфики и пр. Неформальная обстановка, непринужденность общения, естественная среда — оптимальные условия для овладения не только культурным контекстом, но и русской разговорной речью, трудными для усвоения фразеологией, лексикой с переносным значением.

С особым интересом китайские студенты относятся к российским праздникам. К примеру, ежегодно мы совместно отмечаем Масленицу: печем блины, знакомимся с народными обычаями, представлениями, привлекаем обширный лексический материал.

Подобным образом организованная внеурочная деятельность со студентами-иностранцами — это не только реализация коммуникативно-деятельностного подхода в обучении, но и обучение студентов решению социальных, образовательных, профессиональных задач в иноязычном обществе. Кроме того, это позволяет обнажить видимые и невидимые национальные специфические черты российского общества.

Резюмируя, заметим, что современный преподаватель вуза заинтересован в развитии собственных поликультурной и полилингвальной компетентностей. Это позволит оптимизировать работу по формированию этих же компетентностей у студентов-иностранцев и тем самым достичь целей обучения.

Список использованной литературы

1. *Губанихина Е. В.* К вопросу о поликультурной компетентности педагога // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 556–559.
2. *Губанихина Е. В.* Формирование профессионально-ценностных ориентаций педагогов в воспитательном пространстве вуза // Приволжский научный вестник. 2014. № 8–2 (36). С. 8–10.
3. *Жукова Т. В.* Проблемы кросскультурной коммуникации студенческой молодежи : дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.06. М. : МГУ, 2009. 202 с.
4. *Хуссарокова А. М., Хакунова Ф. П.* Предметно-содержательные компоненты поликультурной компетентности педагога // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 1. С. 50–55.
5. *Хажгалиева Г. Х.* Полилингвальность как основа современного образования // Лингвистические исследования и лингвистическое образование в Оренбуржье : материалы регион. студ. научн.-практ. конф. с междунар. участием. Оренбург : Изд-во ГБУ РЦРО, 2016. С. 266–269.
6. *Ли Сяндун.* Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков // Вопросы филологии. 2003. № 2 (14). С. 30–34.

Е. В. Гришина

канд. пед. наук, доцент УрИ ГПС МЧС России, доцент УрФУ,
Екатеринбург

И. М. Кондюрина

канд. пед. наук, доцент РГППУ,
Екатеринбург

Е. Л. Бушуева

соиск. РГППУ, преп. УрТК филиала НИЯУ МИФИ,
Заречный

ПРЕДМЕТНО-СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ РЕЦЕПТИВНОГО КОМПОНЕНТА МНОГОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье освещается проблема обучения многоязычию в рамках профессиональной подготовки специалистов лингвистического направления. Обоснована необходимость использования компетентностного и деятельностного подходов по отношению к формированию многоязычной компетенции. Особое значение приобретает программа обучения рецептивному аспекту обозначенной компетенции, учитывая определенные компоненты. Значительное внимание уделяется концепции языкового сознания. Авторы дают поэтапное описание опытно-экспериментального исследования.

Ключевые слова: многоязычная компетенция, рецептивный компонент, неязыковой вуз, деятельностный подход, иностранный язык.

В российском образовании позиция Совета Европы по вопросу интенсификации изучения языков с целью поддержания языкового многообразия нашла позитивный отклик. Многоязычие и поликультурность провозглашены в качестве значимых принципов системы национального образования. Данные положения требуют обновления концептуальной системы взглядов на профессиональную подготовку специалистов в высшей школе в аспекте владения несколькими иностранными языками.

Многоязычие исследовалось с лингвистических (У. Вайнрайх, Х. Пауль, Л. Завадовский, Э. Хауген, Т. П. Ильяшенко, Б. Гавранек, В. Ю. Розенцвейг, Н. Б. Мечковская, Л. В. Щерба и др.) и психологических (Л. С. Выготский, Е. М. Верещагин, Н. В. Имедадзе, А. А. Леонтьев, Б. С. Котик и др.) позиций как категория междисциплинарного знания. Ценные теоретические наработки, как утверждает В. В. Алимов, «оказываются нерелевантными применительно к теории и практике обучения многоязычию» [1, с. 20]. В связи с этим возрастает актуальность многомерного анализа возможности и научной обоснованности формирования многоязычия в неязыковом вузе и разработки новых теоретических подходов, адекватно отражающих требования современной образовательной парадигмы, целевые и содержательные аспекты которой формулируются в категориях компетентностного и деятельностного подходов.

Многоязычие мы рассматриваем как владение более чем одним иностранным языком, которое возникает в строго определенных условиях: 1) проживание и/или работа в многоязычной среде; 2) целенаправленное изучение иностранных языков вне языковой среды. Многоязычие, формирующееся в неязыковом вузе, должно опираться на осознанное усвоение систем языков. Компетентностный подход предполагает изменение формулировки целей обучения, то есть представление ожидаемых результатов обучения в виде совокупности компетенций будущего специалиста, отражающих разные уровни профессиональных задач [2, с. 60]. Деятельностный подход позволяет учитывать весь диапазон личностных характеристик человека как субъекта социальной деятельности: когнитивные, эмоциональные и волевые ресурсы. Деятельностный подход к знаниям означает, что управлять процессом усвоения можно только через деятельность, обеспечивая качество формируемых знаний. Применительно к формированию многоязычной компетенции данный подход позволяет рассматривать различные виды речевой деятельности, включая в основу формируемой компетенции языковые знания, как социокультурное явление.

Компетентностный и деятельностный подходы более интегрированы, чем это представляется традиционно, поэтому мы считаем правомерным говорить об использовании компетентностно-деятель-

ностного подхода к формированию многоязычной компетенции. Социальная востребованность специалистов со знанием иностранных языков, основные положения лингводидактической теории многоязычия обеспечивают методологическую обоснованность постановки вопроса о расширении целей обучения иностранным языкам в языковом вузе за счет включения в целевую установку многоязычной компетенции. Многоязычную компетенцию мы определяем как владение системой лингвистических знаний, понимание механизмов функционирования языка и алгоритмов речевых действий, владение метакогнитивными стратегиями [3, с. 219]. Многоязычная компетенция представляет собой единую, ассиметричную конфигурацию компетенций, на которую опирается пользователь. Компетенция многоязычия может рассматриваться как владение несколькими иностранными языками, а так же как способность к изучению иностранных языков. Программа по формированию многоязычной компетенции будет реализована гораздо успешнее, если ограничиться для начала одним компонентом речевой деятельности. В нашем исследовании в качестве такого компонента выступает рецептивный.

Анализ теоретических воззрений отечественных и зарубежных авторов по проблемам психолого-педагогических особенностей чтения как особого вида познавательной активности, его психологических механизмов, этапов его осуществления, методологических подходов и методик обучения данному виду речевой деятельности позволяет нам акцентировать внимание на следующем. Психологическая структура чтения как рецептивная речевая деятельность состоит из: 1) этапа первичного восприятия речевого сообщения; 2) этапа декодирования сообщения; 3) этапа соотношения сообщения с определенными семантическими категориями прошлого или собственного понимания письменного сообщения; чтение складывается из двух взаимосвязанных и неразложимых процессов: техники и физиологии чтения с одной стороны и понимания читаемого текста, то есть восприятие и понимание — два неразрывных процесса, вместе составляющих чтение [4, с. 157]. Трактовка восприятия чрезвычайно важна и является первой составляющей многоязычной рецептивной компетенции, а именно способностью к узнаванию языковых знаков

на лексическом и грамматическом уровнях. Понимание как вторая составляющая рецептивного компонента многоязычной компетенции — это способность извлекать информацию из иноязычного текста в зависимости от целевых установок, опираясь на лингвистические знания и осознание процесса переводного чтения.

Соотношение сознательных и приспособительных компонентов при формировании чтения (понимания) иноязычного текста определяет трактовку процесса чтения/понимания иноязычного текста в различных концепциях зарубежной и отечественной методики преподавания иностранных языков [5, с. 54]. Несмотря на большое разнообразие методов и авторских концепций обучения, четко прослеживаются две основные точки зрения на природу рецептивной деятельности, продуктом которой является понимание устного/письменного иноязычного текста. Первая трактует данную компетенцию как результат беспереводного чтения/понимания («мгновенного» понимания). Вторая точка зрения, по нашему мнению, является более продуктивной для формирования рецептивной компетенции высокого уровня обобщенности. Наряду со способностью к восприятию и пониманию иноязычного текста важное значение имеет владение системой лингвистических знаний, понимание механизмов функционирования языка и алгоритмов речевых действий при извлечении информации из иноязычного текста (при чтении/аудировании), опираясь на лингвистические знания и осознание того, как происходит процесс рецепции.

Рецептивный компонент многоязычной компетенции — это способность к осознанному восприятию и пониманию иноязычного текста на различных иностранных языках, основанная на владении системой универсальных лингвистических знаний, понимании механизмов функционирования языка и алгоритмов речевых действий в зависимости от целевых установок [6, с. 149].

Концепция формирования многоязычной рецептивной компетенции в неязыковом вузе опирается на обучение выявлению общего и особенного в различных иностранных языках. Усиление методологического компонента в содержании создает благоприятные условия для реализации целей обучения многоязычной компетенции, а именно: владение системой лингвистических знаний, понимание механизмов

функционирования языка и алгоритмов речевых действий, владение метакогнитивными стратегиями.

Согласно концепции языкового сознания, разработанной П. Я. Гальпериным, различие языкового сознания иностранного и родного языка полностью изменяет подход к пониманию процесса формирования речевых умений и служит основой новых обучающих технологий [7, с. 241]. При формировании рецептивного компонента многоязычной компетенции необходимо обучать адекватному устному и письменному информативному переводу/переводному чтению письменного текста без выражения извлеченной информации средствами родного языка. Основной единицей анализа будет служить предложение. Знания о компонентах глубинных структур и их взаимосвязях являются обязательным элементом содержания ориентировочной основы обобщенной деятельности перевода. К этим знаниям относятся: 1) ориентирование в формально-грамматической структуре иностранного языка; 2) выявление глубинной структуры с помощью поверхностей и ее выражение средствами родного языка. Концепция формирования многоязычной компетенции включает следующие компоненты:

- методологический (компетентностно-деятельностный подход);
- когнитивно-теоретический (теоретическая модель переводного понимания);
- содержательно-лингвистический (концепция глубинных и поверхностных структур);
- инструментальный (теория поэтапного формирования умственных действий и разработанная авторская методика) [8, с. 153].

Базой для исследования стали Уральский институт противопожарной безопасности МЧС России и Российский государственный профессионально-педагогический университет. Разработанная нами программа обучения включает следующие разделы: 1) вступительную беседу для повышения мотивации обучения предварительной ориентировки в экспериментальной программе; 2) формирование лингвистического отношения к иностранным языкам; 3) обучение ориентировке в поверхностных структурах изучаемого (английского) языка; 4) составление схем ориентировочной основы; 5) тренировка

в переводном понимании на незнакомых ранее языках. Экспериментальное обучение строилось в соответствии с требованиями к организации обучения, теорией поэтапного (планомерного) формирования умственных действий и понятий.

Для проверки практических результатов экспериментального обучения испытуемым были даны для контроля перевода тексты на английском, немецком и французском языках. При осуществлении перевода с изучаемого (английского) языка студенты и аспиранты экспериментальных групп показали значительно более высокий уровень владения рецептивным компонентом, чем при определении исходного. Наибольший процент улучшения был показан студентами с самым слабым исходным уровнем: на 44,11 %. Даже в группах с самым высоким исходным уровнем деятельности перевода на английском языке процент улучшения скорости и качества переводов составил приблизительно 21 %. Для проверки сформированности многоязычной рецептивной компетенции студентам и аспирантам было предложено перевести тексты с незнакомых им ранее иностранных языков — немецкого и французского. Качественный анализ показал, что нашими испытуемыми почти не было допущено ошибок, грубо искажавших смысл предложения. Все студенты правильно извлекли информацию из переводившихся на незнакомых языках текстов, сделав несколько несущественных ошибок. Результаты переводов студентов контрольных групп показали чрезвычайный разброс, что затрудняло сопоставление.

Качество переводов наших испытуемых превосходило качество переводов студентов контрольных групп (76 и 44 %). Результаты переводов текстов на незнакомых ранее иностранных языках, осуществленных студентами экспериментальных групп, говорят о сформированности многоязычной компетенции как способности самостоятельно ориентироваться в структурах незнакомых языков и осуществлять перевод/переводное чтение. После прохождения экспериментальной программы повышение способности и готовности изучать иностранные языки косвенно подтверждается следующими фактами:

1) 18 % (32 человека) испытуемых записались на языковые курсы, чтобы усовершенствовать владение английским языком;

- 2) 14 % (28 человек) начали изучение новых иностранных языков, из них 15 стали изучать новый для них восточный (корейский) язык;
- 3) 100 % студентов указали на положительный эффект от экспериментальных занятий и на стремление самостоятельно совершенствовать полученные знания.

Экспериментальное апробирование положений концепции формирования многоязычной компетенции показало следующее. В ходе специального формирования рецептивного компонента многоязычной компетенции испытуемые овладели системой лингвистических знаний, пониманием механизмов функционирования языка и алгоритмов речевых действий. Развитие новых качеств общей компетенции, особенно познавательной способности явилось результатом освоения нового типа знаний, умений и навыков — обобщенных на уровне предмета и метода. В результате специального обучения у студентов изменились личностные характеристики: появилось умение учиться переводному чтению на различных иностранных языках, получать информацию из текстов, повысилась мотивация к освоению нового, прежде совершенно не знакомого материала.

Список использованной литературы

1. *Алимов В. В.* Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации : учеб. пособие. М. : КомКнига, 2006. 160 с.
2. *Хуторской А. В.* Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
3. *Абубакирова Н. П.* Взаимодействие эффективных приемов в системе билингвального обучения (немецкий язык на базе английского) // Психолого-педагогические и методические проблемы управления качеством языковой подготовки в неязыковых вузах. Вестник МГЛУ. Сер. Лингводидактика. 2004. Вып. 497. С. 214–223.
4. *Валеева Н. Г.* Подготовка студентов неязыкового вуза к осуществлению разных видов перевода в сфере иноязычного профессионального общения // Разноуровневая подготовка по иностранному языку в вузах неязыковых специальностей. Вестник МГЛУ. 2006. Вып. 509. С. 151–160.

5. *Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. М. : Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та : Воронеж : НПО «МОДЭК», 2004. С. 372–379.

6. *Гак В.Г.* Теория и практика перевода. Французский язык. М. : Интердиалект+, 2003. 273 с.

7. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию : учеб. пособие для вузов. М. : Книжный дом «Университет», 1999. 332 с.

8. *Croft W.* Explaining Language Change. London : Longman, 2000. 242 p.

УДК 378.115.15:81'25

Н. А. Груба

канд. пед. наук, доцент СибГУ

А. А. Светлова

студентка СибГУ,

Красноярск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ВУЗАХ США И РОССИИ

Быстрый темп развития международных отношений увеличивает значимость межкультурной коммуникации. В связи с этим профессиональная подготовка переводчиков играет важную роль в мировом пространстве. В данной статье представлен сравнительный анализ содержания подготовки будущих переводчиков в вузах США и России. Рассмотрена дифференциация сети вузов, многоуровневые учебные программы для переводчиков, перспективы обучения. Изучены требования «на входе», то есть при поступлении в вузы, а также «на выходе», то есть к сформированности основных знаний, умений и навыков (компетенций) выпускников.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, анализ, подготовка переводчиков, вузы, перспективы.

На сегодняшний день современное общество невозможно представить без коммуникации и международных отношений в целом. Частые деловые контакты, развитие новых технологий, многочисленные совместные предприятия и профессиональная деятельность являются неотъемлемой частью нашего времени. В связи с этим возрастает потребность общества в специалистах, владеющих иностранным языком, способных обеспечить беспрепятственным общением обе стороны. Однако для обеспечения коммуникации недостаточно одного знания иностранного языка. Переводчик должен обладать всеми коммуникативными компетенциями на профессиональном уровне. Данные компетенции включают в себя ориентирование во всех социальных структурах, знание культуры, умение вести общение в рамках какого-либо коммуникативного поля и т. д.

Адекватный перевод является сложным процессом, и добиться профессионализма в данной сфере невозможно без предварительной подготовки. Обеспечить данной подготовкой переводчиков могут только высшие учебные заведения [1]. Но как вузы обеспечивают переводчиков профессиональной подготовкой? Далее в статье будет проведено сравнение учебных программ, ступеней обучения, требований к поступлению и сформированных при выпуске компетенций будущих переводчиков в вузах США и России.

Профиль подготовки «Перевод и переводоведение» (или аналогичные профили) достаточно распространен в университетах нашей страны. На всей территории России располагаются 43 вуза, которые готовят специалистов по данному направлению [2].

Для поступления выпускникам школ необходимо сдать следующие предметы: иностранный язык, русский язык, история (либо обществознание). Проходной балл ЕГЭ определяется каждым вузом самостоятельно. Ряд вузов учитывает индивидуальные достижения абитуриентов в предметных олимпиадах и конкурсах, а также в крупных спортивных соревнованиях. Дополнительных испытаний на профпригодность, таких как проверка навыков перефразирования, умения извлекать главную мысль текста, ориентироваться в различных функциональных стилях речи и пр. не проводится.

Обучение по программам бакалавриата длится в среднем 4–4,5 года. В учебный план данного направления (профиля) в настоящее время входит три блока: Блок 1 (дисциплины, модули), Блок 2 (практики) и Блок 3 (государственная итоговая аттестация).

Блок 1 имеет базовую и вариативную часть. Базовая часть включает предметы общего гуманитарного и социально-экономического цикла, универсальную составляющую, в которую входят такие дисциплины, как «Стилистика русского языка и культура речи», «Древние языки и культуры», «Политология», «Философия», «История», «Практический курс основного и второго иностранного языка», «Физическая культура», «Безопасность жизнедеятельности», «Правоведение» и др. Ряд вузов включают в данный блок историю и культуру стран изучаемого языка, историю литературы и другие предметы.

Вариативная часть может содержать предметы «теория перевода», «логика», «редактирование», «теоретическая грамматика», «лексикология», «практикум по культуре речевого общения основного или второго иностранного языка», «психология профессионального общения переводчика» и др.). В базовую часть также включаются дисциплины по выбору студента, их перечень может быть весьма разнообразным (информационные системы в лингвистике, информационная безопасность личности и др.), многие вузы включают в эти рамки устный перевод, компьютерные технологии в переводе, письменный перевод с различными вариациями.

Студенты проходят при практике: учебную, производственную и преддипломную. По окончании обучения программы предусматривают сдачу государственного экзамена и/или защиту дипломной работы [3].

Согласно требованиям, оговоренным во ФГОС ВО и в основных образовательных программах вузов, студент-выпускник должен сформировать у себя 12 общекультурных компетенций, 20 общепрофессиональных компетенций и (в зависимости от выбранных вузом видов профессиональной деятельности) до 20 профессиональных компетенций за четыре года обучения. Доказать, что все эти компетенции успешно сформированы, вузы намерены на примере сдачи студентами промежуточных испытаний, госэкзаменов и прохождения практик.

Каждая дисциплина учебного плана формирует от двух до десяти (в зависимости от вуза и учебного плана) компетенций.

Рассмотрим особенности подготовки переводчиков в США. Ступени высшего образования в США фактически не отличаются от России: бакалавр (4 года), магистратура (от 1 до 2,5 лет в зависимости от программы и учебного заведения). В стране существует большое количество высших учебных заведений, которые готовят профессиональных переводчиков. Для того чтобы абитуриенту было проще выбрать вуз из такого обилия различных направлений лингвистики и перевода, существуют специальные рейтинги университетов, которые формируются на основании популярности среди поступающих и успешности студентов при выпуске.

Одним из лидирующих в рейтинге вузов США является университет города Кент. Вуз является членом престижной ассоциации CUIТЕ, объединяющей наиболее эффективные вузы, готовящие устных и письменных переводчиков. Университет Кент имеет избирательную политику для приема студентов на первый курс. Решение о приеме основывается на совокупности среднего балла аттестата, баллов экзаменов АСТ или SAT, содержания и эффективности подготовительной программы вашей школы/колледжа и тенденциях класса. Если абитуриенту не хватает баллов для приема на первый курс, но он подает надежды на дальнейшее успешное обучение, то комиссия имеет право отложить поступление. Отложенные кандидаты пишут курсовую работу по заданию университета.

Вуз принимает на обучение иностранных студентов. Требования к знанию английского языка для них следующие.

Все иностранные студенты должны предоставить доказательство свободного владения английским языком (если они не отвечают конкретным исключениям), заработав минимум 525 баллов TOEFL (71 в интернет-версии), минимум 75 баллов MELAB, минимум 6,0 баллов IELTS или минимум 48 баллов PTE, можно также предоставить документ о прохождении интенсивной программы ESL level 112 [4].

В университете можно изучать арабский, испанский, французский, немецкий и русский языки. Далее рассмотрим учебный план на примере программы Russian Concentrations.

Семестр 1. Опыт первого года обучения. В течение первого года студенты оттачивают навыки обучения и осваивают стратегии обучения, устанавливая связи с другими студентами в штате Кент. Курс имеет общеобразовательную направленность и оснащает студентов знаниями и инструментами, необходимыми для вхождения в профессиональный мир посредством исследования и применения карьерных концепций и видов деятельности.

Семестр 2. Жизненный цикл многоязычной информации. В соответствии с логикой названия студенты обучаются работе в разнообразных информационных пространствах, использованию компьютерных и облачных технологий перевода. Программа включает в себя введение в многоязычный информационный цикл, в том числе общие технологические вопросы, подготовку текстов, перевод на другой язык, компьютерные средства перевода и многоязычный информационный поток для многоязычной и многокультурной работы. Курс преподается на английском языке.

Семестр 3. Введение в техническое или профессиональное письмо (по выбору). Программа семестра включает в себя введение в практику общения в рамках технического сообщества; планирование, составление, анализ и редактирование текстов; курс анализа и составления текстов: описания процессов, описания объектов, учебные тексты, техническая переписка, отчеты о проблемах, критические размышления.

По выбору можно пройти курс «Практика норм и стратегий эффективного общения на рабочем месте».

Семестр 4. Иностранный язык и культура. Здесь студенты приобретают навыки, необходимые для анализа языка и культуры «в действии» (с вербальной и невербальной точек зрения), выявления и осмысления точек зрения представителей других лингвокультур. Формы организации обучения весьма разнообразны и включают интерактивные лекции, дискуссии и прикладные мероприятия.

Семестр 5. Практика перевода: русский. Переводческая практика на материале русскоязычных текстов с использованием принципов и приемов, усвоенных на лекциях.

Семестр 6. Практика перевода (интенсивная). Теоретико-практический курс, в котором обсуждается теория перевода и анализиру-

ются варианты перевода отдельных текстов по бизнесу, технологии, медицине, правоведению и пр.

Семестр 7. Разговорный язык для деловых и специальных целей. Программа содержит введение в специальную лексику бизнеса и других специальных предметных областей; вводит понятие языка для специальных целей и подчеркивает использование специальной лексики в бизнес-коммуникации и других средах.

Семестр 8. Специальные и деловые тексты: русский. Практические занятия посвящены чтению и пониманию специализированных текстов, а также переводу и составлению специальных текстов на русском языке.

Выпускник университета должен владеть следующими компетенциями:

1) Умение поддерживать в формальную/неформальную беседу, ясно и четко формулируя мысль, излагать и передавать мысли без искажения, определять культурные переменные для исключения недопонимания в языковой паре.

2) Вести деловую/обычную переписку, составлять резюме, рассказы и любые описания, необходимые в формальном контексте (то есть деловые письма, записки, коммерческие и юридические формы и т. д.) на языке перевода.

3) Перевод общих и так называемых полуспециализированных тестов в различных областях и в различных переводческих контекстах с исходного языка на язык перевода. Требуется базовое понимание принципов перевода и функций, влияющих на принятие переводческих решений.

4) Продемонстрировать понимание многоязычной информации и умение использовать ее в языковой индустрии и общих компьютерных приложениях, используемых переводчиками.

Сравнивая опыт и содержание подготовки переводчиков в России и США, мы обратили внимание на следующие различия и сходства:

1) Нельзя не отметить глобальное сходство в построении общей траектории обучения по принципу «от простого к сложному» и «от общего к частному». Все проанализированные нами программы

и учебные планы постепенно наращивают степень сложности, абстракции и специализации обучения на старших курсах.

2) Обучение в США менее формализовано, содержание программ обучения и итоговых требований к выпускникам сформулировано достаточно кратко и емко. Это говорит о большей доверии системы образования авторитету преподавателей и опыту вузов.

3) В отечественных программах ряда вузов большое внимание уделяется лингвистическим дисциплинам, таким как «лексикология», «теоретическая фонетика», «типология», «теория дискурса», «психолингвистика» и др. в ущерб практике перевода. Во многих программах переводческие дисциплины вынесены в раздел «Дисциплины по выбору студента».

4) В вузах США большое значение придается освоению машинного и автоматизированного перевода, умению работать с информацией, корпусами текстов для анализа адекватности переводческих решений. В российской практике обучения переводу необходимость освоения таких инструментов и программ, как TRADOS, SmartCat и др. является предметом споров.

5) Эффективность подготовки переводчиков в отечественных вузах должна подтверждаться освоением массы компетенций разного уровня. Однако на деле мы сталкиваемся с дублированием компетенций, непрозрачными требованиями, формализованными критериями оценки.

Таковы самые общие выводы, которые нам дала попытка сравнительного анализа содержания подготовки переводчиков в России и США. Дальнейшего изучения требуют вопросы организации практик, аудиторной работы, деления на группы и организации самостоятельной работы будущих переводчиков.

Список использованной литературы

1. Гез Н.И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований // Иностранные языки в школе. 1985. № 2. С. 17–24.

2. Вузы России со специальностью 45.05.01 «Перевод и переводоведение» [Электронный ресурс]. URL: <http://vuzoteka.ru/вузы/Перевод-и-переводоведение-45-05-01> (дата обращения: 12.05.2019).

3. Высшая школа перевода (факультет) МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msu.ru/info/struct/dep/perevod.html> (дата обращения: 13.05.2019).

4. Kent State University: Translation — B. S. [Электронный ресурс]. URL: <http://catalog.kent.edu/colleges/as/mcls/translation-bs/> (дата обращения: 13.05.2019).

УДК 378.115.15:81'246.2

Д. М. Магомедов

канд. филол. наук, науч. сотр. ИЯЛИ ДНЦ РАН,
Махачкала

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

В современных вузах большое внимание уделяется социально значимым качествам, в числе которых и полилингвальные знания, навыки и умения. В настоящее время полилингвальная среда требует от педагогического сообщества подготовки высококвалифицированных личностей. Необходимость овладения несколькими языками связана с перспективами получения качественного высшего образования по выбранной специальности, с успешной жизнедеятельностью человека в современном мире, возможностью продолжения обучения за рубежом или работой в иноязычной стране. Полилингвизм становится необходимым условием успешной адаптации человека к современной социальной среде. Полилингвальная личность — это личность с ярко выраженным национальным самосознанием, обладающая высоким уровнем межкультурной компетенцией, владеющая двумя-тремя языками, личность, толерантная и приобщенная к общечеловеческим ценностям.

Ключевые слова: полилинвальное образование, билингвизм, дагестанские языки, русский язык, английский язык, культура.

В настоящее время особенно актуальны исследования, связанные с моделями развития полилингвального и поликультурного обучения. Это связано с всеобщей мировой тенденцией к интеграции в культурной, экономической и политической сферах. Полилингвальное обучение мы понимаем как целенаправленный процесс приобщения к мировой культуре средствами нескольких языков, когда изучаемые языки выступают в качестве способа постижения сферы специальных знаний, усвоения социального и культурно-исторического опыта различных народов и стран. Актуальная задача сегодняшнего дня в Республике Дагестан — обеспечить успешную интеграцию в мировое образовательное пространство и обеспечение доступа студентов к актуальной информации на любом из трех языков: на одном из дагестанских, русском, английском языках.

В Дагестане на относительно небольшой территории издревле представлено 14 письменных языков (аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский) и 18 бесписьменных языков (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, будухский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, крызский, тиндинский, удинский, хваршинский, хиналугский, цезский, чамалинский) [1, с. 17].

Языковая ситуация в многонациональном Дагестане диктует необходимость разработки основных методических подходов и принципов к формированию коммуникабельной языковой личности.

Вместе с тем интеграция в мировое экономическое пространство не представляется возможной без знания мировых языков, в частности английского языка.

Сохранение и развитие языкового и культурного разнообразия поможет преодолеть социальную и политическую нестабильности в межнациональных и межэтнических отношениях. Поэтому основной задачей образования является формирование творчески мыслящих, социально ответственных и нравственно полноценных граждан.

Проблемы Республики Дагестан в сфере языковой политики во многом идентичны и закономерны. Здесь объективно немыслима сама возможность применения функционирующих здесь языков

во всех сферах материальной и духовной культуры, науки, техники. Ни один из языков народов Дагестана не может взять на себя в регионе функции языка такого масштаба. Такие функции осуществляются через русский язык как единственно возможный в данных условиях язык межнационального общения [2, с. 23].

В Дагестане сложилась поликультурная среда, где происходит взаимодействие представителей разных культур и языков.

Основным принципом полилингвальной модели поликультурного образования является многоязычие. Такой принцип предполагает преподавание общеобразовательных предметов на нескольких языках: одну часть на родном языке, вторую — на русском языке, третью — на иностранном языке. На начальной стадии обучения большое внимание должно уделяться родному языку.

К сожалению, в настоящее время дагестанские языки очень мало используются в области образования, культуры, средств массовой коммуникации (пресса, радио, телевидение), в быту, в сфере общественных отношений. С каждым годом сужаются сферы их функционирования [3, с. 6].

Разобщенное обучение разным языкам (например, аварскому, русскому, английскому, немецкому и т. д.) приводит к смешанному билингвизму, который тормозит не только речепорождение на родном языке, но и в целом интеллектуальное развитие. Для свободного общения на двух или трех языках необходима интеграция языковых дисциплин. При работе по развитию связной речи должен лежать механизм, раскрывающий этапы порождения речи: общий замысел, мотив, фонетическое и грамматико-лексическое оформление. Такой подход позволит создать ситуации, в которых необходимо использовать те или иные речевые единицы, совместно выявляются правила употребления речевых единиц, систематизируется и активизируется весь речевой материал, который состоит из этих речевых единиц. Кроме того, создаются ситуации, которые стимулируют самостоятельное построение связных высказываний. Такая методика направлена на повышение качества знаний студентов, активизацию их творческой самостоятельности и развитие их процессуальных качеств.

Таким образом, при полилингвальной образовательной модели можно овладеть на должном уровне родным и русским языками, а также прочно усвоить иностранный язык, благодаря чему в полном объеме овладеть программой всех общеобразовательных предметов.

В многоязычном регионе, каким является Республика Дагестан, проблема полилингвизма приобретает исключительно важное значение. Нормальное сотрудничество наций, народностей, культурной, экономической и политической жизни невозможно было бы организовать без наличия русского языка — языка межнационального общения.

В последние десятилетия наряду с позитивными тенденциями в развитии системы образования в Республике Дагестан имели место отход от прогрессивных традиций в воспитании и обучении молодежи, определенный отрыв деятельности образовательных учреждений от насущных задач и долговременных перспектив социально-экономического развития. Особую тревогу и боль вызывает принижение роли дагестанских языков как средства интеллектуального и духовного развития личности студента. Забвение родных языков может привести нас к самым тяжелым и непоправимым последствиям [4, с. 19].

Возрождение духовных и культурных традиций народов, использование их в процессе образования оказывают существенное влияние на формирование личности позволяют глубже осознать общее и особенное в национальной культуре, выработать единую этнокультурную политику согласия.

Полилингвальное образование является важной составной частью современного общего образования, которая способствует усвоению студентами знаний других языков, культурных ценностей народов и традиций, образа жизни, воспитание молодежи в духе уважения жизненных мировоззренческих ценностей других народов. Вместе с тем полилингвальное образование является наилучшим средством для познания родного языка, для расширения кругозора, для формирования поликультурной личности.

Изучение иностранных языков также становится реальной потребностью каждого образованного человека. Поэтому важнейшей задачей современных вузов можно считать подготовку студентов к полилингвизму, с помощью которого молодое поколение учится

жить и работать в многонациональной поликультурной среде в согласии и уважении.

Объектом исследования настоящей статьи являются проблемы полилингвального образования в Республике Дагестан. *Характер настоящего исследования* предполагает использование общенаучных методов анализа и лингвистического наблюдения, позволяющих определить роль и место полилингвального образования в современных условиях.

Разработанная методика по формированию языковой личности студента в условиях полилингвального образования будет способствовать тому, что преподавание родного и неродных языков будут вестись скоординировано, с опорой одного языка на другой, с сопоставлением и сравнением различных и одинаковых языковых явлений.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключаются в том, что здесь языковая личность рассматривается как неотъемлемая составляющая воспитательной работы вуза с углубленным изучением языка.

Полилингвальное образование должно способствовать тому, чтобы, с одной стороны, человек осознал свои корни и тем самым мог определить свое место в мире, с другой — привить ему уважение к языкам и культурам других народов. Из этого вытекает, что в современном обществе сформировалось образовательное пространство, в котором проживают и обучаются студенты разной социально-экономической, религиозной и этнолингвистической принадлежности. Сегодня перед нами стоят новые задачи: развивая родной язык и культуру, мы должны формировать полилингвальную личность.

С помощью полилингвизма можно добиться согласия и взаимопонимания между людьми, поэтому степень владения языками — один из его важнейших критериев. Следовательно, приоритетным направлением в сфере образования для Республики Дагестан является формирование полилингвальной личности.

Внедрение в учебно-воспитательный процесс обучения на родном, русском и английском языках будет способствовать приобщению дагестанских студентов к культуре и традициям разных народов.

Полилингвальная личность — это активный носитель нескольких языков и одновременно личность поликультурная.

Формирование полилингвальной личности — одно из основных направлений развития поликультурного образовательного пространства. Современные социальные реалии требуют системного перехода к полилингвальному образованию. Процессы глобализации напрямую связаны с проблемами языковой коммуникации, которая играет большую роль в осуществлении педагогической, финансово-экономической и политической деятельности. Билингвальное образование подразумевает взаимодействие культур.

Выводы по результатам исследования. В современных социально-экономических условиях полилингвальная подготовка специалистов с учетом социального, национального, территориального, экономического, психолого-педагогического аспектов приобретает комплексный, системный характер.

Национальные вузы призваны обеспечить передачу из поколения в поколение многовекового опыта народов Дагестана, их нравственных устоев, создать условия для приобщения студентов к материальным и духовным ценностям и традициям, принять на себя важнейшие функции формирования у них этнического самосознания и достоинства.

Наши наблюдения показывают, что гармоничное сочетание родного и русского языков в вузовском обучении позволяет студентам добиваться лучших результатов в учебе, развивает их интерес к познанию и способности к обучению.

Национальный язык не просто средство общения людей, а духовное богатство народа, своего рода вместилище национального опыта и народного мышления, важнейший стержень национального самосознания и самочувствования.

Таким образом, можно считать, что основной целью полилингвального образования является его интегративный характер, обретение студентами компетентности в сфере экстралингвистической и языковой коммуникации.

Список использованной литературы

1. Языки Дагестана / под общ. ред. проф. Г.Г. Гамзатова ; отв. ред. проф. Н.С. Джигдалаев. Махачкала — Москва, 2000. 553 с.

2. *Магомедов М.И.* Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М. : Наука, 2010. 182 с.

3. *Магомедов М.И.* Функционирование дагестанских языков и проблемы их сохранения // Вопросы кавказского языкознания. 2011. Вып. 4. С. 3–7.

4. *Магомедов М.И.* Проблемы функционирования русского и дагестанских языков в Республике Дагестан // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2018. № 14. С. 17–24.

2. МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ, МНОЖЕСТВЕННАЯ ГРАМОТНОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

УДК 316.66+316.74:81

С. Н. Некрасов

доктор филос. наук, профессор УрФУ,
Екатеринбург

ЧТЕНИЕ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ И РЕНЕССАНС ГРАМОТНОСТИ, ИСТИНЫ И НАУКИ

В кризисные моменты для познания человечеством не пригодна ни грамотность, ни постграмотность, остается единственный вариант научного чтения общества как совокупности семиотических систем. Поскольку кризис глобализации требует новой грамотности, обращения к социальной науке, время требует также проекты будущего и утопистов-реалистов. Остро стоит вопрос выбора научной стратегии чтения. Критическая социальная наука, принимающая необходимость утопии и чтения семиотических систем создает на основе бинарных оппозиций интегративную модель мира. Ведущим и самым перспективным становится сектор левого консерватизма, который традиционно занимал СССР. Поскольку причиной упадка истины в новом столетии является релятивизм, человечеству для перехода от адаптации к социальному творчеству необходимы неограмотность и новая стратегия чтения.

Ключевые слова: грамотность, постграмотность, научная стратегия чтения, неограмотность, бинарные оппозиции, релятивизм, утопия, семиотические системы, левый консерватизм, город, критическая социальная наука, упадок истины, постправда.

В условиях запрета общеобязательных идеологий и упадка основных политических теорий, ослабления влияния науки и деградации общественных наук с понятийно-категориальной сеткой, применимой исключительно к изучению западных обществ в интересах социальной адаптации и поддержания элементарной грамотности, возникает необходимость обращения к утопии. Утопия всегда требует исполнения желаний, это значит, что утопическое — это и есть изначально человеческое родовое качество: брать нечто из ниоткуда и внедрять в жизнь. В обстановке периодической смены вех и систем ценностей в качестве суррогата познания в истории периодически формируется постграмотность, необходимая для понимания возникающей то в форме слухов и социальной мифологии, а то в виде идеологем, постправды.

Однако в моменты наиболее острых кризисов непонимания человечеством своей реальности, когда для истинного познания аутентичной реальности не пригодна ни грамотность, ни даже постграмотность, остается единственный вариант чтения общества как совокупности семиотических систем — ногами, так как проходит чтение города и городской местности туристами, сопровождающими их гидами и охотящимися на них террористами. Чтение ногами как реализация утопии и социальный лифт вводит смысловое сомнение, а в условиях распада ценностей утопия оказывается последним ресурсом чтения реальности: она и выход, и орудие критики этой реальности. «Мы хотим сейчас», «перемен», «эй, вы там, наверху» и иные проекты мечты для моментальной реализации переворачивали традиционные общества. В ходе перестройки СССР в песнях требовался «новый поворот» и реципиентам сообщалось: «Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня, Нет, нет, нет, нет, мы хотим сейчас». Было и прямое обращение к верхам: «Эй, вы, там, наверху! От вас опять спасенья нет! Не могу больше слушать я этот ваш кордебалет!»

Советское общество в тот момент упадка научной рациональности понималось и читалось как здание с этажами, подобно тому, как в период революций кризисное общество изображалось как этажерка с социальными группами.

В тот период массы в отличие от хипстеров и креалов полагали свое место находящимся строго внизу, а потому требовали потехе отдать только час. В послевоенной песне такая позиция чтения выражалась в утверждении «у каждой работы имеется срок, суббота, суббота, хороший вечерок». Впоследствии временные интервалы уточнились: «Делу время, делу время, да, да, да, да, да, да, да, а потехе — час».

Поскольку время и кризис глобализации требуют новой грамотности, а не постграмотности, обращения к науке, а не к утопии, возникает необходимость развития социальной науки, но жизнь тем не менее требует утопии и утопистов, особых утопистов-реалистов. Последние реализуют возврат к рационалистической традиции научного познания мира и к левоконсервативному курсу преобразования общества и природы. Получается, что людям планеты нужна утопия, но научная и гуманная, исторически оправданная. Общественное сознание сегодня движется от общечеловеческой утопии, минуя государственные идеологии, к новой всемирной формуле цивилизационного выбора человечества. Таково начало цивилизационного выбора человечества, которое разрушит постграмотность, так же как социалистическое строительство и культурная революция ликвидировали неграмотность, отбросив ее в предысторию. Из утопии и практического чтения семиотических систем (ногами), то есть социально ответственными субъектами, возникнет новая наука и новая грамотность.

Мы выявили в классическом марксизме К. Маркса важную попытку чтения семиотических систем, принадлежащую юному Ф. Энгельсу. Эта попытка до сих пор не описывалась — она не замечалась, поскольку отсутствовало представление о возможности существования в XIX в. проблематики понимания социальных систем как семиотических систем. Речь идет о чтении Ф. Энгельсом города, прекрасно знакомого ему по обстоятельствам жизни в Манчестере.

В читаемой Ф. Энгельсом системе имеется надстроечное и базисное образование, используется эпистемологическая модель истины,

скрытой подобно сущности за внешним проявлением и представленной на поверхности в отчужденной вторичной форме. Целый город является семиотической системой: разделение между кварталами рабочего класса и районами высшей и средней буржуазии оказывается чертой, разделяющей подавленное означаемое и господствующее означающее, а их отношение оказывается отношением ложной репрезентации. Но это деление выступает как деление двух блоков означающих (в которых один относится к целому, а другой репрессирован), ибо рабочие кварталы не являются ни глубинной структурой, ни истиной города, рождающей поверхностные явления структуры. Следовательно, в понятиях науки (отражение) и идеологии (искажение) такая система не читается.

Два типа кварталов лишь части семиотической системы, которая невидима для «глаз и нервов буржуазии». «Чтение ногами» города вписывает индивида (в данном случае Ф. Энгельса как читателя) в систему в соответствии с тремя возможными позициями: буржуазный читатель, утверждаемый городом как универсальный субъект; пролетарский читатель (не субъект); теоретический читатель, производящий структурное чтение отношения между частями системы и относящий систему к известной ему как ученому детерминирующей системе классовых отношений. Позиции чтения семиотических систем не возложены заранее на индивидов (они потенциальны), а позиция теоретического чтения не является фиксированной классовой позицией — она может быть использована как в революционной практике, так и против нее. Иначе говоря, стоит вопрос выбора научной стратегии чтения.

А поскольку, по А. Грамши, любой человек — философ, всякий пешеход, в отличие от кошки, сознательно или не совсем осознанно выбирает стратегию чтения и понимания города. Хотя, по Ф. Энгельсу, конструкция города «лицемерна», и исключение рабочего класса из нее осуществляется систематически, эта конструкция не контролировалась буржуазией сознательно — она возникла в неосознанной конкуренции среднего класса и буржуазии в исключении пролетариата, и потому представители этих социальных групп по-разному чи-

тают систему. Чтение системы города Энгельсом позволяет вызывать к жизни протестную утопию. Связь здесь прямая: чтение — утопия.

Вспомним «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, которое начинается словами «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Если буржуа Ф. Энгельс уязвился положением отверженных в социальных гетто буржуазного города, то представители господствующего класса наслаждаются им, и последнюю четверть века мы наблюдали такую позицию «новых русских» по отношению к бедным соотечественникам как к «лохам и нищebroдам». Нувориши занимаются не просто лицемерной филантропией и получают удовольствие не только от комфортного проживания, но и от созерцания бедных районов, проносящихся мимо при поездках из поселков «золотых унитазов». Ф. Энгельс уточняет свою характеристику раннего капитализма, когда эта либеральная утопия еще была прекрасна в сравнении с феодализмом: «И все же я нигде не видел, чтобы рабочий класс так систематически не допускался на главные улицы, чтобы все то, что может оскорбить глаза и нервы буржуазии, так заботливо прикрывалось, как это делается здесь, в Манчестере» [1, с. 284].

Анализ Ф. Энгельса включает основные моменты эмпирицистского чтения: отношение между поверхностным и скрытым, видимым и невидимым, волей и случаем. Объективно возникают две научные стратегии чтения: стратегия интерпретирующая (третья позиция Ф. Энгельса) и стратегия, читающая сами детерминанты чтения, то есть выявляющая классовые интересы. Чтение этих интересов предполагает сложную мыслительную и идентифицирующую операцию импутации, то есть отнесения идей и того или иного проекта устройства мира к их социальным основаниям и классовым интересам. Отсюда и две концепции научного чтения. Концепция, производимая второй стратегией, касается не выражения в мыслях классовой позиции, но результатов выявления системы означения.

В главе «Большие города» книги «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс пишет о Лондоне как образчике чего-то противного природе человека, где «есть что-то отвратительное, что-то противное природе человека» [1, с. 263–264]. В таких городах и ско-

плениях масс между людьми существует обособленность каждого, раздробление на монады, варварское равнодушие, беспощадный эгоизм: «Это жестокое равнодушие, эта бесчувственная обособленность каждого человека, преследующего исключительно свои частные интересы, тем более отвратительны и оскорбительны, что все эти люди скопляются на небольшом пространстве <...> Раздробление человечества на монады, из которых каждая имеет свой особый жизненный принцип, свою особую цель, этот мир атомов достигает здесь своего апогея. Отсюда также вытекает, что социальная война, война всех против всех провозглашена здесь открыто» [1, с. 264].

Получается, что разные выводы вытекают из разных онтологических реальностей. Какие выводы можно сделать из сюжета «История двух городов» Ч. Диккенса и сюжета экранизации А. Юнебеля романа Э. Сю «Парижские тайны», где показаны гонки богачей по улицам городов и их жертвы? Такие общие картины жизни Парижа и Лондона относятся не только к эпохе Великой французской революции, но представляют собой эру классического капитализма, ныне они воспроизводятся в гонках на «гелендвагенах» золотой молодежи по улицам столицы России.

Критическая социальная наука, принимающая необходимость утопии, создает семиотическую интегративную модель мира. Эта модель будет не сакрально-когнитивной сказочной картиной мира, которой пользовались наши предки и которая лежала в основе сказок и всего традиционного мировосприятия. Так, сказка о Царевне-лягушке пронизана традиционной моделью членения мира. Развитие человечества потребовало научной модели постсовременного мировосприятия. Эта новая модель уже готова и осталось только ее зафиксировать по системе бинарных оппозиций К. Леви-Строса. Если расположить по оси абсцисс левые и правые проекты социального устройства, то мы разделим мир пополам: левые — правые. А если по оси ординат, то есть сверху вниз, то проводим деление мира на две другие половины — снизу либерализм (понятно, почему), вверх — консерватизм.

Возникают четыре сектора: по часовой стрелке снизу вверх возникает мир левого либерализма, вверх — левого консерватизма, вверх справа — правого консерватизма, и внизу справа — правого

либерализма. Из нижнего сектора — в политике и культуре местонахождения правого либерализма глобалистов — в конце истории начинается перемещение вверх в область правого консерватизма и изоляционизма, например Д. Трампа и его технолога С. Бэннона. Отметим, что все больше проявляется тенденция к перемещению идей и лиц из правого верхнего сектора в левый верхний. Этот сектор левого консерватизма традиционно занимал СССР и левые сторонники социализма. Именно этот сектор после разгрома СССР оказался незаполненным, зато левые двинулись в нижний левый сектор, в котором возник прежде невозможный синтез троцкистов и неолибералов, феминисток и «радуги» ЛГБТ. Сказанное свидетельствует о начале глобального перемещения симпатий человечества в сектор третьей модели социализма — левый консерватизм.

В отличие от модели четвертой мировой теории А. Г. Дугина (либерализм, коммунизм, фашизм, неоевразийство), М. Л. Хазин поддерживает реальность воплощения модели двух осей, правда, только на политической плоскости. Если А. Г. Дугин подразумевает под четвертой теорией четвертую политическую теорию, то М. Л. Хазин описывает возможности цивилизационного выбора через политику. Он пишет: «Если говорить о движении на политической плоскости, то оно должно было из правого нижнего квадранта происходить как вверх, то есть в сторону консерватизма, так и влево» [2]. Это значит, что при завершении предистории и начале подлинной истории человечество будет выбирать между вариантами развития начала истории — «черной весной» и «красной весной» (используя образы С. Е. Кургияна [3]). Формируется единый привлекательный для объединенного человечества цивилизационный образ будущего как левоконсервативного проекта неоиндустриального овладения природными силами, космосом, социальными связями и отношениями неантагонистического общества.

Однако в обществе с 2017 г., как пишет М. Какутани, сложилась «экосистема, в которой Веритас, богиня Правды (она изображена Гойей на знаменитом офорте «Правда умерла»), может смертельно захворать» [4, с. 4–5]. Происходит повсеместный «упадок истины»: на Западе объективная, эмпирическая, основанная на доказательствах

истина подверглась надругательству в ...«эпоху Трампа». Автор пишет: «Термин “упадок истины” — введенный корпорацией “Рэнд” (Rand Corporation) для описания “снижающейся роли фактов и анализа” в общественной жизни Америки — вошел в словарь постправды и присоединился к ставшим уже привычными выражениям “фейковые новости” и “альтернативные факты”» [4, с. 3].

Автором выясняется, что в упадке истины виноват не Трамп, а релятивизм: «Релятивизм усиливается с тех самых пор, как в 1960-е годы начались культурные войны. Тогда его подхватили “новые левые”, спешившие изобличить предрассудки западного, буржуазного, патриархального мышления, а также ученые, проповедовавшие евангелие постмодернизма, которые принялись утверждать, что универсальных истин не существует, есть только малые личные истины — концепции, формируемые современными культурными и социальными силами» [4, с. 5].

Поскольку причиной упадка истины является релятивизм и деконструкционизм, для перехода от адаптации к социальному преобразованию необходимы постграмотность и новая стратегия чтения. При преодолении релятивизма возникнет новая стратегия познания как научного чтения социальных семиотических систем и образуется неограмотность или сверхграмотность как умение социально ответственного субъекта по-научному работать с мифологией, идеологией, квазинаукой и утопией.

Список использованной литературы

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. второе. Т. 2. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. 651 с.
2. *Хазин М.Л.* Лево-консервативный прорыв. Старина Бэннон и «левый поворот» [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/levo-konservativnij_proriv (дата обращения: 22.04.2019).
3. Что такое коммунизм? — Красная Весна vs Black Spring [Электронный ресурс]. URL: <https://eot-su.livejournal.com/605335.html> (дата обращения: 11.05.2019).
4. *Какутани М.* Смерть правды / пер. Л. Сумм. М. : Эксмо, 2019. 256 с.

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (на материале наименований типов поселений)

Статья посвящена культурным контактам на Европейском севере России и их отражению в лексике диалектов Европейского севера России. Рассматриваются наименования типов поселений, заимствованные из языков местных народов. Лексемы этимологизируются: определяются языки — источники заимствования.

Ключевые слова: Европейский север России, лексема, семантика, значение, заимствование, русский язык, прибалтийско-финские языки, саамский язык, язык коми.

Европейский север России является зоной сельского расселения. Большая часть населения этого региона живет в деревнях. Северные деревни разнообразны: это могут быть небольшие поселения, состоящие из одного-двух хозяйств, и крупные села. Поскольку коренным населением Европейского севера России является финно-угро-самодийское, многие населенные пункты на этой территории возникли до русской колонизации, что определило обилие заимствованных наименований поселений, их частей и типов жилищ. С другой стороны, промышленное освоение Европейского севера привело к тому, что в апеллятивную лексику диалекта через посредство общенационального языка проникли заимствования из языков европейских народов, а также многочисленные тюркизмы.

Для Европейского севера России характерен гнездовой тип расселения: деревни располагаются не в одиночку, а группами.

Наименованием куста деревень является *шáлга* (Арх.: Карг.) [1]. Поскольку поселения располагались на возвышенностях, рассматриваемое значение вторично к *шáлга* 'продолговатая безлесная

гора, возвышенность' (Арх.: В.-Т., К.-Б., Нянд., Он., Плес.) [1], 'гора или холм, на которых не растет трава' (Арх.: Он., Холм.) [2, с. 191], 'участок, отведенный для вырубki, делянка' (Арх.: Он., Прим., С.-Дв., Холм., Шенк.) [1], (Арх.: Мез.) [2, с. 191], (Кольск.) [3, с. 178], (Помор.) [4, с. 124], 'просека, узкая вырубка в лесу' (Арх.: Он.) [1].

Источником заимствования являются прибалтийско-финские языки, ср. фин. *selkä* 'горный хребет', *selin, selällään, sellälden, sölkä* 'спина', *selkämä* 'горный хребет', карел. *šelkä, selgä* 'спина, хребет' [5, т. 4, с. 995; 6, т. 3, с. 167], вепс. *süüg* 'спина' [7, с. 534]. Начальный консонантизм указывает на карельский источник заимствования, однако вокализм (русс. *а* ~ прибалт.-фин. *е*) в пользу заимствования из вымершего языка прибалтийско-финского типа.

Г. Куликовский приводит лексему *сузём* 'поселки, отделенные от людных местностей большим лесом' (Олон.) [8, с. 115], *сузёмок* 'то же' (Олон.) [8, с. 115], ср. также *сузёмка* 'охотничья сторожка, избушка в лесу' (Арх.: Пин.) [1]. Основным значением слова *сузём* является 'глухой дремучий непроходимый лес, расположенный вдалеке от населенных пунктов' (Арх.: Вель., Вил., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Котл., Лен., Леш., Нянд., Пин., Плес., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Бабуш., В.-Важ., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Ник., Ньюкс., Сямж., Тарн., Тот.; Костр.: Кологр., Сол.) [1], (Влг.: Ник., Устюж.) [9, с. 220], (Арх., Влг., Новг., Олон.) [10, т. 4, с. 357; 8, с. 115], (Влг.: В.-Уст., Ник., Сольв., Тот., Устьс., Ярен.) [11, с. 488], (Кольск.) [3, с. 154], *сузёмок* 'то же' (Арх.; Новг.: Тихв.; Олон.) [9, с. 220], (Арх., Влг., Новг., Олон.) [10, т. 4, с. 357], (Влг.: В.-Уст., Ник., Сольв., Тот., Устьс., Ярен.) [11, с. 488], (Арх.: Вель., Леш., Мез., Нянд., Он., Плес., Прим., С.-Дв., Уст.; Влг.: Бабуш., Тот.; Костр.: Кологр., Пыщуг., Чухл.) [1], (Кольск.) [3, с. 154].

Лексема *сузём* считается заимствованной из прибалтийско-финских языков и сопоставляется с фин. *susmä* 'лесная глушь; сплошной отдаленный лес' [12, с. 21]. Эта версия цитируется в этимологических источниках [13, т. 3, с. 797; 14, с. 509] и работах, в которых рассматривается севернорусская географическая терминология [15, с. 131; 16, с. 104; 17, с. 13; 18, с. 60 и др.].

Строение лексемы *susmä* указывает на ее исконный характер в финском языке, хотя в этимологических словарях [5; 6] это слово не рас-

смаатривается. В составе лексемы выделяются корень *sys-* и суффикс *-mä*. В финском языке суффикс *-mä* присоединяется к глагольным и именным основам при образовании имен [19, с. 251], является обще-прибалтийско-финским аффиксом отглагольного словообразования, а в конечном итоге уральским по происхождению [20, с. 68]. Элемент *sys-* в *sysmä* может быть интерпретирован в сопоставлении с фин. *sysiä* ‘толкать, пихать; пренебрегать (кем, чем), отвергать (кого, что)’, *sysätä* ‘толкать, толкнуть’, диал. ‘тереть, натирать, перетирать’, *sysäys* ‘толчок, удар’, имеющими финно-угорские параллели [6, т. 2, с. 232]. Семантику приведенных финских слов шире раскрывает родственное им *systeä* ‘колотить, бить, стучать (особенно пешней лед в проруби, палкой замерзшую землю)’, ‘толочь, толкать, пихать, продвигаться, проталкиваться, выдаваться, вдаваться’ [5, т. 4, с. 1149]. Если суффикс *-mä* в *sysmä* использован для образования лексемы, называющей результат действия [19, с. 251], то внутреннюю форму *sysmä* следует определить как <нечто сбитое, истолченное, спиханное, столкнанное (вместе)> или <нечто оттолкнутое, отбитое, отпиханное (в сторону)>. Эта семантическая реконструкция подтверждается другими лексемами прибалтийско-финских языков, входящими в рассматриваемое гнездо: фин. *sysu*: *yhteēn syseen* ‘в кучу, в грудy; тут же, в один миг; непрерывно, сплошь’ [6, т. 2, с. 232] (семантика скученности, плотности), карел. *šütten* ‘до (чего), от (чего)’ [5, т. 4, с. 1149] (семантика направления, близости/отдаленности). Если предложенная нами этимология основы *sys-* в финском *sysmä* верна, то в основе русского слова могли быть другие незасвидетельствованные образования, подобные **sysimä* (ср. фин. *sysiä*), **sysämä* (ср. фин. *sysätä*), **sysymä* (ср. фин. *sysu*). Приведенные здесь существующие и реконструированные финские формы, безусловно, не являются прямым источником заимствования. Я. Калима предполагает вепсское или карельское (ливвиковско-людиковское) происхождение русской лексемы на основании соответствия фин. *s* ~ вепс., карел. ливв., люд. *z* [12, с. 222]. В таком случае в представленной реконструкции необходимо обратить внимание на карел. *süzie* ‘толкать, пихать’ (< фин. *sysiä*) [5, т. 4, с. 1149]. Финаль на согласный (-м) в русском слове также подтверждает предположение о вепско-карельских истоках лексемы, поскольку соответствием суффикса *-mä*

в вепсском, карельском (ливвиковско-людиковском) языках выступает -*m*, ср., например, фин. *uurama* 'ложбина, низина' ~ карел. люд. *uurdam* 'топкая ложбина', вепс. *urdam* 'промоина' [21, с. 98].

В оформлении вокализма первого слога Я. Калима вслед за М. Фасмером видит народно-этимологическое воздействие со стороны русской приставки *су-* [12, с. 222], с чем следует согласиться, при этом отметив, что исходная форма с начальным *сю-* хорошо засвидетельствована и остается достаточно частотной: *сюэ́м* 'лес, занимающий большое пространство' (Влг.: Тот.) [9, с. 225], 'дальний дремучий лес' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Пин., Плес., Шенк.; Влг.: Бабуш., К.-Г., Сямж.) [1], 'болотистое место, поросшее кустарником' (Киров.: Кот.) [22], *сюэ́мок* 'дальний дремучий лес' (Арх.: Он., Прим.) [1].

Из коми языка (ср. коми *sík*, *síkt* 'небольшое крестьянское поселение') в русские диалекты проникло *сикт* 'группа расположенных отдельно, но в близком между собою расстоянии крестьянских домов' (Арх.) [2, с. 156]. Этимология предложена Я. Калима [12, с. 222] и поддержана М. Фасмером [13, т. 3, с. 620].

Заемствованием из эстонского языка является *мы́за* 'небольшое поселение, хутор' (Влг.: Чаг.) [23, с. 127; 1]: < эст. *mõiz* 'поместье, имение' [24, с. 468].

Для лексемы *лу́лаки* значение 'новое поселение, новая деревня' (Влг.: Баб.) [1] вторично к *лу́лаки* 'недозревшие ягоды (чаще всего морошки), яблоки' (Влг.: Баб., Бел., Выт.), < приб.-фин., ср. фин. *lulla*, *lullu* 'колыбель, люлька', ботан. 'подчашие', *lullaus*: *häneltä päässi itkun lullaus* 'ставшее распоротым', эст. *lullutada* 'убаюкивать' [5, т. 2, с. 308; 6, т. 2, с. 102], карел. твер. *lullu*, *lulluka* 'свистулька' [25, с. 146]. Родственным соответствием является мар. *лулеге* 'скелет; кости, составляющие остов тела человека и животных', 'кость вообще как часть скелета', 'кости, остов, каркас чего-нибудь' [26, т. 3, с. 426].

Результатом упрощения аффрикаты *ч'* (*тиш'* > *т'*) является форма *тюпкí* 'дальние деревни, захолустье' (Влг.: Сок.) [1], ср. отмеченное наряду с этим *чу́па* 'проулок в деревне' (Влг.: Кад.) [1]. Лексемы заимствованы из вепсского языка, ср. вепс. *шур* 'угол, тупик (пространство, не имеющее выхода)' [7, с. 65]. Этимологию лексемы *чу́па* в других географических и негеографических значениях см. в [13, т. 4, с. 384].

Синонимичное к *тюпки шáваньга* ‘захолустье, глушь, далекое заброшенное место’ (Арх.: Холм.) [1] имеет оттопонимическое происхождение: произошла апеллятивация топонима *Шáваньга* — названия деревни, которое интерпретируется в сопоставлении с саам. им. *šavu*, кильд. *šāvv* ‘глина’ [27, с. 157].

Описательными являются наименования *подлывье* ‘усадебная населенная местность за лывой или близ лывы’ (Арх.) [2, с. 84], *залывье* ‘усадебная населенная местность за болотом или близ болота’ (Арх.) [2, с. 84]: лексемы производны от *лыва* ‘сырое низкое место, низина’ (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Котл., Лен., Леш., Мез., Нянд., Пин., Плес., Прим., С.-Дв., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Бабуш., Бел., Ваш., В.-Важ., Влгд., Вож., В.-Уст., К.-Г., Кир., М.-Реч., Ник., Ньюкс., Сок., Тарн., Тот., У.-Куб., Хар.; Киров.: Даров., Кот., Халт.; Костр.: Галич., Кологр., Костр., Мант., Меж., Нейск., Парф., Пыщуг., Сол., Чухл., Шар.; Яр.: Люб.) [1]. Последнее является хорошо освоенным заимствованием из прибалтийско-финских языков, ср. фин., карел. *liiva* ‘ил, тина’, фин. ‘ил, грязь, раздавленная кашеобразная или мокрая масса’, *liva* ‘слизь’, карел. *liiva* ‘то же’, ливв. *liivu* ‘ил’, люд. *liv, live* ‘то же’ [5, т. 2, с. 294; 6, т. 2, с. 75], фин., карел. *liiva* ‘морской ил, грязь, раздавленная кашеобразная или мокрая масса’, эст. *līv* ‘песок’ [12, с. 157]. Этимология предложена Я. Калима [12, с. 157; 13, т. 2, с. 539]. Интерпретация лексемы на базе коми языка [28, с. 30–31] ошибочна.

Заимствованные названия жилищ, их частей, хозяйственных строений редки в севернорусских диалектах. Лексема *чум* ‘русское название переносного жилища северных народов — конической формы шатер, покрытый шкурами, корой, войлоком’ заимствована из языка коми, ср. коми *t’šot* ‘палатка, кладовая’ [24, с. 1098]. Производным образованием в диалектах является *чумовище* ‘место в тундре, где был расположен чум’ (Арх.: Мез.) [2, с. 189–190], (Арх.: Леш.) [1].

Как прибалтийско-финское заимствование интерпретируется *кўлгача* ‘околичные ворота с тягой разного устройства, чтобы сами закрывались’ (Новг.) [10, т. 2, с. 215]: предлагается сопоставление с эст. *kol’k, kolk* ‘чурка’ [12, с. 140; 13, т. 2, с. 409].

От *кóрос* (Арх.: В.-Т., Котл.; Влг.: В.-Уст.), *корóс* (Влг.: В.-Уст.) ‘большая груда снопов, уложенных между вбитыми в землю кольями’

[1] производно *коросник* ‘сарай, крытое холодное помещение для немолоченного хлеба, чтобы не мочило дождем’ (Влг.: Сольв.) [11, с. 208]. М. Фасмер считал неясным [13, т. 2, с. 335]. А. Е. Аникин [14, с. 303] рассматривает как заимствование из коми *корѳс* ‘скирд, скирда, долгая кладь хлеба’ [29, с. 334], вым., уд. *kores* ‘то же’, вым. *kores* ‘скирда размером в 5–10 промежков ячменя или 1–2 промежка ржи’ < общеперм. **kores* ‘сушилка, приспособление для сушки на воздухе, на ветру’ [30, с. 134].

Прибалтийско-финским заимствованием является *ко́да* ‘куратник’ (Олон.) [8, с. 38], (Карел.: Медв.) [31, т. 2, с. 384]: < карел., вепс., люд. *koda* ‘хлев, хижина’ [12, с. 121; 13, т. 2, с. 275].

В русских говорах Карелии отмечено *пинди́ряво* ‘участок, часть земли за домом’ (Карел.: Пуд.) [31, т. 4, с. 513]. Лексема может быть сопоставлена с приб.-фин., ср. фин. *pintaautua*, *pintauda*, *pintaantua*, *pintaintua*, *pinnettyä*, *pintettyä* ‘твердеть, затвердевать, получать поверхность (о земле, дереве и т.п.)’, *pintoa* ‘срезать поверхность с дерева’, карел. *pinnata* ‘ударить по поверхности’, ливв. *pindavuo*, *pindavoa* ‘толстеть’, ‘приставать, прилипать, закостнеть’, эст. *pinnastada*, *pinnatada* ‘зарастать’, ‘высыхать настолько, что кора отделяется (о дереве)’ [5, т. 2, с. 570]. Русское слово, вероятно, обозначает не огородный участок, а площадку для хозяйственных работ с утрамбованной поверхностью, ср. контекст: «Да пинди́ряво ещё надо очистить» [31, т. 4, с. 513].

Распространение лексем *се́ндух* ‘пространство вне дома, на свежем воздухе’ (Арх.: В.-Т., Леш., Холм.) [1], *се́ндуха* ‘то же’ (Арх.: Леш.) [1], *се́нтух* ‘то же’ (Арх.: В.-Т.) [1] в пользу заимствования из коми, ср. уд. *се́нтов* ‘долина, ложбина’ [29, с. 334; 30, с. 252]. В финали русского слова следует видеть фонетическое изменение *в* > *ф* > *х*.

Единственным репрезентантом идеограммы ‘место, где находится сторож, сторожевой пост’ в севернорусских диалектах является *ва́рда* (Помор.) [4, с. 44]. Лексема может быть интерпретирована на основе прибалтийско-финских данных, ср. фин. *varsí* ‘стебель растения’, ‘продолговатая рукоятка инструмента’, ‘паголенок’, ‘край (дороги, реки)’, ‘туловище, стан’, ‘основа’, *vartonainen* ‘постоянный, основной’, *varteva* ‘длинный, рослый, большой’, *varsitie* ‘идущая сквозь лесосеку основная дорога для вывоза бревен’, *varsioja* ‘основная сточная канава’, *varsikatu*

‘большая улица’, ижор. *vars* ‘стебель’, карел. *varsi* ‘стебель; туловище’, *varteva* ‘длинный, высокий’, *vartalo* ‘туловище, стан’, карел. ливв. *varši*, *-ži*, *-zi* ‘стебель растения, рукоятка инструмента’, ‘туловище’, ‘основа, опора’, *vartova*, *vardova* ‘большой, рослый, высокий’, люд. *varž*, *-z(i)* ‘стебель’, вепс. *varž* (род. п. *varđen*) ‘то же’, эст. *vars* (род. п. *varre*) ‘то же’, *var(r)us*, *vardus*, *vartus* ‘рукав; повод, ремень’, *varrikas* ‘рукав’, ливск. *var“ž* (им. п. мн. ч. *vārd«éD*, *va*“rduD*) ‘стебель’ [5, т. 6, с. 1659–1660; 6, т. 3, с. 412]. Семантически возможность развития значения ‘сторожевой пост’ определяется наличием семантики ‘туловище, стан’, ‘основа’, ср. русск. *стан* ‘в царской России административно-полицейское подразделение уезда’ и *стан* ‘туловище человека’ [24, с. 936].

Займствования, обозначающие улицу, редки. Только в «Словаре русских говоров Карелии» отмечена лексема *ёрша* ‘улица, проулок’ с единичным контекстом: «*Пойдѣшь прямо, а направо будет ёрша*» (Влг.: Устюж.) [31, т. 2, с. 28]. Следует предполагать, что произошла неверная интерпретация рукописного *ёрта*: *t* было воспринято как *ш*. Истоки слова нужно видеть в саам., ср. патс. *j'ēr'tt*^(E), нот. *j'ier'tt*^(E), кильд. *j'ic j'č^E*, терск. *j'ie j'č^E*, ‘сторона, край, бок, направление’ [32, т. 1, с. 63].

Поскольку на Европейском севере России одним из основных видов деятельности был промысловый тип, достаточно распространенным было устройство временных жилищ.

Карел. *pugri* ‘место для спанья на воздухе’, *pukra*, *bugra*, *pukri*, *pugri*, *bugri* ‘шалаш’, ‘хижина’ [33, т. 4, с. 492] послужило источником русск. диал. *бугра* ‘временное жилище рыбаков, охотников – землянка, шалаш’ (Арх.: Прим.) [1], (Арх.) [10, т. 1, с. 135], (Печор.) [34, т. 1, с. 46], *бугор* ‘временное жилище – шалаш из сосновых веток’ (Печор.) [34, т. 1, с. 46]. Этимология разработана Я. Калима [12, с. 81; 13, т. 1, с. 228].

П. А. Дилакторским была записана лексема *коуз*, *коус* ‘шалаш, сделанный пастухом из хвойных прутьев для защиты от непогоды’ (Влг.: Кадн.) [11, с. 212]. В современных диалектах слово отмечено в многочисленных вариантах: *коуз* (Влг.: Сямж., У-Куб., Хар.), *кавуж*, *кавужик*, *кауж*, *каужик* (Влг.: Хар.), *коуж* (Влг.: Сямж., У-Куб., Хар.), *коуза* (Влг.:

Хар.), *коузик* (Влг.: Сямж.), *коузик* (Влг.: Сямж., Хар.), *коузок* (Влг.: Хар.), *коусик* (Влг.: Хар.) ‘шалаш, крытый ветками (обычно на покосе, в поле)’ [1]. Лексема имеет прибалтийско-финское происхождение, ср. фин. *kuosto* ‘обрамление из высушенных сосен, стоящих в вертикальном положении на месте используемой стоянки’ (< саам., ср. швед. *kåste* ‘прогорклый’, вефс. *Gýgstie* ‘старый’, ‘прокисший’, ‘немного изношенный’, норв. *goas'te* ‘прогорклый’, ‘прокисший’, ‘невкусный’) [5, т. 2, с. 242; 6, т. 1, с. 443]. Слово должно было приобрести форму среднего рода, однако по аналогии к *шалаш* было освоено как лексема мужского рода. Приб.-фин. *-st-* на русской почве в конце слова > *с/з*.

Может быть предложена и альтернативная версия: лексема восходит к приб.-фин., ср. фин. *koju*, *koiju* ‘шалаш, хижина из лапника’, *kojureki* ‘крытые сани’, карел. *koju* ‘будка’, ливв. *koju* ‘сторожка, будка’ [5, т. 2, с. 206; 6, т. 1, с. 386]. Этимология предложена О.В. Востриковым [17, с. 29].

В прибалтийско-финские языки слово вошло из германских языков [5, т. 2, с. 206; 6, т. 1, с. 386]. При этом сопоставлении, однако неясен исход русского слова: объяснение конечного *-с* как нового суффикса в русских говорах Европейской части СССР, вычленившегося из большого количества финно-угорских заимствований на *-с* [17, с. 29], выглядит натянутым. Более правдоподобно то, что *-с(-з)* могло появиться в языке-субстрате [17, с. 29].

М. Фасмер [13, т. 4, с. 464] считает темным словом *шóга*, *шогá* ‘шалаш, устроенный в поле или в лесу охотниками на птицу с чучелами’ (Олон.: Карг.) [8, с. 138]. При учете возможности упрощения аффрикаты *tʃ > ʃ* источником заимствования могло являться саам. нот. *čok'ká*, ин. *čokke*, кольск. *tš'q'k'k'k'*^E, кильд. *tš'ʷk'k'* ‘вершина, верхушка’, ‘холм’ [5, т. 4, с. 1062]. Охотничий шалаш имеет простую форму: наклонно устанавливаются тонкие стволы деревьев, которые образуют острый угол. Поверхность конуса маскируется пластами дёрна таким образом, чтобы шалаш не выделялся из окружающего ландшафта и выглядел как естественный пригорок, холм. Подобно по внутренней форме *накшá* ‘шалаш из еловых веток’ (Арх.: Плес.) [1], *пáкша* ‘избушка, шалаш, низкий, некрасивый дом’ (Карел.: Медв.) [31, т. 4, с. 375]: < саам., ср. патс. *pá'kknž*, нот. *pā'kvš* ‘вершина, верхушка’, ‘холм’ [32, т. 1, с. 334].

Несколько лексем называют старое, ветхое, заброшенное жилье, поселение. Слово *мурья* 'плохой маленький дом, избушка' (Костр.: Макар.) [1], 'место для собаки; вообще низкое жилье' (Влг.) [9, с. 263] при учете *мурья* 'труба' (Казан.) [35, т. 18, с. 362], 'в смолокуренной печи: труба, по которой стекает смола' (Арх.: В.-Т.), 'отверстие в мельничном жернове, куда засыпают зерно' (Влг.: К.-Г.) может быть сопоставлено с мар. диал. *мурья* 'труба (печная)' [26, т. 4, с. 100]. Марийское слово, вероятно, < чуваш. *тирја* 'песчаная труба' [12, с. 89; 13, т. 3, с. 15].

Развитие семантики объяснимо при учете выражения *как в мурье* 'грязно, неопрятно' (К.-Перм.) [36, с. 152]. Значение 'оставленное, разрушившееся жилище' имеет слово *ладога* (Влг.: Устюж.) [1], ср. также *разорённая ладога* 'о вымершей деревне, брошенном доме' (Влг.: Устюж.) [1], 'о беспорядке в доме' (Влг.: Устюж.) [1]. Лексема имеет саамские истоки, ср. нот. *lā'ŋeŋ*, кильд. *lā'ŋeŋ* 'ровный' [32, т. 1, с. 197]. Семантику слова можно реконструировать как 'ровное (= пустое) место'. Саамского происхождения также лексема *тэгра* 'пустое место на месте бывшей деревни' (Влг.: В.-Уст.) [1]: при учете метатезы *-pə- > -gr-* источник заимствования можно усматривать в патс. *tērgōs*, сонг. *tēryas*, кильд. *tāŋ'sk* 'твердый, жесткий', 'окошенелый' [32, т. 1, с. 582].

В целом заимствованные апеллятивные наименования поселений и их частей в говорах Европейского севера России представляют собой семантически и этимологически пеструю группу слов. Для большинства лексем анализируемые значения вторичны либо уже на уровне языка-источника, либо в русском языке. Истоки лексем полиязыковые: представлены разнообразные типы заимствований от прибалтийско-финских до коми и волжско-финских.

Список использованной литературы

1. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
2. Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб. : Типогр. импер. акад. наук, 1885. 198 с.
3. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурманское книжное издательство, 1979. 184 с.

4. *Мосеев И.И.* Поморська говоря : краткий словарь поморского языка. Архангельск : Правда Севера ; М. : Белые альвы, 2005. 138 с.

5. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII / toim. Y. H. Toivonen. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958–1981.

6. Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. Erkki Itkonen ja Ulla-Maija Kulonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 62).

7. *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепсского языка. Л. : Наука, 1972. 747 с.

8. *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Герман Куликовский. Санкт-Петербург : Отд-ние рус. яз. и словесности Импер. Акад. наук, 1898. 151 с.

9. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб. : Типогр. импер. акад. наук, 1852. 275 с.

10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М. : ГИИНС, 1955.

11. *Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. (Рукоп. Института русского языка АН СССР). 677 с.

12. *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV). 265 s.

13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / пер. с нем. М. : Прогресс, 1964–1973.

14. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.

15. *Гусева Л.Г.* Географическая терминология Каргопольского края, обозначающая лес, и ее отражение в топонимике // Вопросы ономастики. 1974. Вып. 8–9. С. 126–132.

16. *Востриков О.В.* Заимствованная географическая терминология в русских говорах по реке Унже и ее отражение в топонимии // Вопросы ономастики. 1979. Вып. 13. С. 102–105.

17. *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. 1981. Вып. 2. С. 3–45.

18. *Субботина Л.А.* Заимствования в географической терминологии Белозерья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984. 230 с.

19. Грамматика финского языка: Фонетика и морфология / под ред. Б.А. Серебренникова, Г.М. Керт. М. — Л. : Изд-во акад. наук СССР, 1958. 768 с.

20. Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М. : Наука, 1975. 464 с.

21. *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1991. 162 с.

22. Лексическая картотека Севернорусской топонимической экспедиции (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

23. Дополнение к опыту областного великорусского словаря. СПб. : Типогр. импер. акад. наук, 1858. 328 с.

24. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.

25. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск : Карелия, 1994. 396 с.

26. Словарь марийского языка : в 10 т. Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 1990–2005.

27. *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. 296 с.

28. *Чайкина Ю.И.* Вопросы истории лексики Белозерья // *Очерки по лексике севернорусских говоров*. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. С. 30–31.

29. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. 455 с.

30. *Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970. 431 с.

31. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

32. *Itkonen T.I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 1236 s.

33. Karjalan kielen sanakirja. I–V. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI / toim. Pertti Virtaranta ja Raija Koponen. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–1997. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 25).

34. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005.

35. Словарь русских народных говоров. Вып. 1 / под ред. Ф. П. Филина. М. ; Л. : Наука, 1965. 302 с.

36. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / сост. Е. Н. Полякова. Пермь : Изд-во ПГУ, 2007. 420 с.

Список сокращений

1. В географических названиях

Арх.	— Архангельская область (губерния), г. Архангельск
Баб.	— Бабаевский район Вологодской области
Бабуш.	— Бабушкинский район Вологодской области
Бел.	— Белозерский район Вологодской области
Ваш.	— Вашкинский район Вологодской области
В.-Важ.	— Верховажский район Вологодской области
Вель.	— Вельский район Архангельской области
Вил.	— Вилегодский район Архангельской области
Вин.	— Виноградовский район Архангельской области
Влг.	— Вологодская область (губерния)
Влгд.	— Вологодский район Вологодской области
Вож.	— Вожегодский район Вологодской области
В.-Т.	— Верхнетоемский район Архангельской области
В.-Уст.	— Великоустюгский район Вологодской области
Выг.	— Вытегорский район Вологодской области
Галич.	— Галичский район Костромской области
Даров.	— Даровский район Кировской области
Кад.	— Кадуйский район Вологодской области
Кадн.	— Кадниковский уезд Вологодской губернии
Казан.	— г. Казань
Карг.	— Каргопольский район Архангельской области
Карг.	— Каргопольский уезд Олонецкой губернии
Карел.	— Республика Карелия

К.-Б.	— Красноборский район Архангельской области
К.-Г.	— Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кири.	— Кирилловский район Вологодской области
Киров.	— Кировская область
Кольск.	— Кольский полуостров
Кологр.	— Кологривский район Костромской области
Кон.	— Коношский район Архангельской области
Костр.	— Костромская область, Костромской район Костромской области
Кот.	— Котельничский район Кировской области
Котл.	— Котласский район Архангельской области
К.-Перм.	— Коми-Пермяцкий автономный округ
Лен.	— Ленский район Архангельской области
Леш.	— Лешуконский район Архангельской области
Люб.	— Любытинский район Ярославской области
Макар.	— Макарьевский район Костромской области
Мант.	— Мантуровский район Костромской области
Медв.	— Медвежьегорский район Карелии
Меж.	— Межевской район Костромской области
Мез.	— Мезенский район Архангельской области
М.-Реч.	— Междуреченский район Вологодской области
Нейск.	— Нейский район Костромской области
Ник.	— Никольский район Вологодской области
Новг.	— Новгородская область (губерния)
Нюкс.	— Нюксенский район Вологодской области
Нянд.	— Няндомский район Архангельской области
Олон.	— Олонецкая губерния
Он.	— Онежский район Архангельской области
Парф.	— Парфентьевский район Костромской области
Печор.	— басс. р. Печора
Пин.	— Пинежский район Архангельской области
Плес.	— Плесецкий район Архангельской области
Помор.	— Поморье (побережье Белого моря)
Прим.	— Приморский район Архангельской области
Пуд.	— Пудожский район Карелии

Пыщуг.	— Пыщугский район Костромской области
С.-Дв.	— район г. Северодвинска
Сок.	— Сокольский район Вологодской области
Сол.	— Солигаличский район Костромской области
Сольв.	— Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Сямж.	— Сямженский район Вологодской области
Тарн.	— Тарногский район Вологодской области
Тихв.	— Тихвинский район Новгородской области
Тот.	— Тотемский район Вологодской области
У.-Куб.	— Усть-Кубинский район Вологодской области
Уст.	— Устьянский район Архангельской области
Устьс.	— Устьсольский уезд Вологодской губернии
Устюж.	— Устюженский район Вологодской области
Халт.	— Халтуринский район Кировской области
Хар.	— Харовский район Вологодской области
Холм.	— Холмогорский район Архангельской области
Чаг.	— Чагодощенский район Вологодской области
Чухл.	— Чухломской район Костромской области
Шар.	— Шарьинский район Костромской области
Шенк.	— Шенкурский район Архангельской области
Яр.	— Ярославская область
Ярен.	— Яренский уезд Вологодской губернии

2. В названиях языков и диалектов

вепс.	— вепсский язык
вефс.	— вефсальский диалект саамского языка
вым.	— вымский диалект коми языка
ижор.	— ижорский язык
им.	— диалект Имандра саамского языка
ин.	— диалект Инари саамского языка
карел.	— карельский язык
кильд.	— кильдинский диалект саамского языка
кольск.	— кольский диалект саамского языка
коми	— коми-зырянский язык
ливв.	— ливвиковский диалект карельского языка
люд.	— людиковский диалект карельского языка

мар.	— марийский язык
норв.	— норвежский диалект саамского языка
нот.	— нотозерский диалект саамского языка
общеперм.	— общепермское
патс.	— диалект патсйоки саамского языка
приб.-фин.	— прибалтийско-финские языки
русск.	— русский язык
саам.	— саамский язык
сонг.	— сонгельский диалект саамского языка
твер.	— тверской диалект карельского языка
терск.	— терский диалект саамского языка
уд.	— удорский диалект коми языка
фин.	— финский (суоми) язык
чуваш.	— чувашский язык
швед.	— шведский диалект саамского языка
эст.	— эстонский язык

3. Прочие

диал.	— диалектное
им. п.	— именительный падеж
мн. ч.	— множественное число
род. п.	— родительный падеж
см.	— смотри
ср.	— сравни

А. С. Тимощук

д-р филос. наук, профессор ВЮИ ФСИН

Н. Н. Трофимова

канд. юр. наук, начальник кафедры ГиСЭД ВЮИ ФСИН,

Владимир

ПОСТГРАМОТНОСТЬ В ПРОЦЕССАХ МЕДИАТИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Информатизация и медиатизация — это два взаимосвязанных процесса внедрения телекоммуникационной среды и опосредования социальных интеракций через информационные ресурсы. Эти социотехнические политики актуализируют вопросы медиапотребления, медиаграмотности, цифровизации и ретрансляции культуры. В статье анализируется концепт «постграмотности» в связи с медиакомпетентностью и коммуникативной рациональностью.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, медиатизация, постграмотность, лингвоцинизмы, четвертая власть, власть СМИ, пятая власть, власть социальных сетей.

Международная конференция «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности» в рамках Международного конвента Уральского гуманитарного института задает новые векторы гуманитарного знания, описывая состояние готовности к коммуникации в новой социотехнической среде как постграмотность и называя признаки такой компетенции: поликультурность, мультимодальность и новая синестетическая чувственность, полилингвизм, экология духа, непрерывное образование, коммуникативная рациональность. Чтобы раскрыть каждый атрибут, потребуется объемная статья. Все это векторы развития современного социума.

Цефализация и рационализация человека сопровождает его путь от мифа к логосу. Казалось бы, в информационную эпоху мы должны видеть меньше иррационального, ибо сон разума рождает химер. Поразительно, что дигитальные технологии генерируют и тиражи-

руют иррациональное еще с большей силой, чем сарафанное радио, порождая дегенеративную зависимость от коммуникаторов и медиа среды. Интернет — это не только спасение для постиндустриального человечества, но и паутина великих иллюзий. Для того чтобы эффективно пользоваться этим инструментом, человек должен быть социально успешен и образован. В частности, погружение в фрагментарную культуру клипового репрезентизма не готовит к восприятию сложных профессиональных задач, способствует одностороннему восприятию и пролиферации микронарративов, поддерживающих идентичность малых групп [1].

Текущая современность, в отличие от модерна и классики как твердых, устойчивых культур, складывается из индивидуации, калейдоскопического мышления, прозрачности тела и сознания через дигитализацию, насыщенности информацией. Индивидуация становится лично-общественной проективностью и сопровождается секулярным пересмотром классических констант: религия, пол, семья. Формирование институтов гражданского общества сопровождается пролиферирующей индивидуацией, процессом ценностно-смыслового расслоения, эксфолиацией плана возможностей, доминантой полифуркации над бифуркацией. Индивидуация — это нелинейная антропология. Она означает становление номадических интесубъективных субъектов, которые находят себя в ситуациях выбора жизненных габитусов, рассыпающихся в следующее мгновение. Взаимодействие жизненных миров приводит к умножению автономных смысловых горизонтов. Эти умвельты суть сложные конструкции, опосредованные современными медиа и ключевыми фигурами нарративизации медиасреды. Противостояние культуре цифрового слабоумия и флуктуации в медиакоктейле хипстеров и сетевых бумеров, лавирование в потоках хайпа — непростая задача для современного школьника, бакалавра, магистра, аспиранта. Ведь преподаватели часто проигрывают спикерам «Ютуба».

Растущая роль медиа актуализировала такие социальные понятия и аттракторы, как событийность, включенность, информационный повод, доступность, открытость, скорость распространения информации, которые стали социокультурными векторами общества, а также

рычагами экономики. Формирование медиакомпетентности состоит из многих задач: технической оснащенности, специальных SMM умений (продвижения товаров и услуг в социальной медиа среде), знания терминологии, управления коммуникациями, контент-менеджмента, работы с разными интерфейсами, владения навыками медиаанализа, реализации ключевых показателей (КРІ). Одним из важных компонентов медиакомпетентности выступает медиаэтика, нравственный кодекс всех участников коммуникативной среды, где есть не только свобода подключения и распространения, но и свобода отключения и нераспространения; защита безопасности, деловой репутации, конфиденциальности.

Постграмотность означает самоконтроль, не только готовность к коммуникации, но и выходу из нее. Проблема функциональной постграмотности тесно связана с дискуссией о прозрачности и наблюдаемости. Ее символически можно сформулировать символически так: куда не достают электромагнитные волны тотальной прозрачности? Где заканчивается личная свобода доступа к информации и коммуникации и начинается общественный интерес защиты от персональных электронных устройств? Прикладные аспекты проблемы — это столкновение свободы личности на информацию, права человека на приватность и корпоративные требования безопасности. Новизна изучения компетенций XXI века заключается в эмерджентном характере самой постсовременности, разворачивающейся на стыке пользовательской квалификации в области современных коммуникационных платформ, коммуникативных навыков, организации труда и делового общения [2].

Информатизация и медиатизация — это два взаимосвязанных процесса внедрения телекоммуникационной среды и опосредования социальных интеракций через информационные ресурсы. Эти социотехнические политики актуализируют вопросы медиапотребления, медиаграмотности, цифровизации, ретрансляции культуры, постграмотности.

Медиатизация и информатизация позволяют детализировать малое, углубляться в частное, драматизировать конкретное. Мы все больше знаем о меньшем и все меньше знаем о сущности и первона-

чале. Как сделать самое главное самым главным в своей жизни? Эпоха скорости дает простой ответ: деконструкция отношений центр — периферия, мужское — женское, сакральное — профанное, истина — ложь, норма — девиация. Провокация и манипуляция — таковы законы жанра обольщения технологией. Постграмотность — это еще и сопротивление посткультуре. Чтобы не быть оксюмороном, латинское «*post*» используется здесь чисто семантически в значении «позади», «после», «позже», «после» и указывает на постсовременную готовность субъекта к социальным негоциациям. Префикс встречается первоначально в заимствованиях из латыни (постскриптум), но теперь свободно используется при образовании составных слов (пост-традиционный [3]; пост-культура [4, с. 11]).

Постграмотность — это обязательно самоограничение, практически на уровне духовно-аскетической практики поста (от древневерхне-немецкого *fasto*), воздержание от информационного шума, готовность к молчанию как особо значимой практике в эпоху пролиферации текстов и полидискурсивности. В ситуации, когда говорящих больше чем слушающих, молчать — это невыносимая аскеза мысли.

Малые группы артикулируют свои локальные нарративы блогах и форумах, чатах и рассылках, что представляет собой новый феномен — непрофессиональную журналистику. Во след за четвертой властью приходит эпоха пятой власти, диктатуры блоггеров, которые усиливают эффект медийности.

Журналисты осуществляют медиатизацию лингвоцинизма чиновников, что оказывает воспитательное воздействие на государственное управление через обратную связь граждан. Интернет-мемы, комментарии, цитирование — это те процедуры, которые не позволяют забыться неосторожным высказываниям: «Государство не просило ваших родителей рожать», «можно и на 3 тысячи жить, только похудеете на макаронках», «денег нет, но вы держитесь», «женщинам после 30 деньги не нужны», «пенсию восемь тысяч рублей получают тунеядцы и алкаши, малоимущие сами виноваты в своем положении». Раньше такая правда-матка осталось бы только в личной памяти объекта воздействия, но не сегодня, когда благодаря СМИ нетактичные фразы становятся общественным достоянием, они разбираются на подписи

к демотиваторам и фотожабам, участвуют в общественном стимулировании профессионализма госслужащих.

Понятие дискурса как коммеморативного потока сегодня неразделимо от понятия медиа, под которым следует понимать всю совокупность средств передачи социально значимой информации. Особое место среди всех медиа в информационном обществе закрепляется за СМИ. Считается, это именно этот организационно-технический комплекс отвечает за публичное конструирование идентичности, формирование мировоззрения, ценностную ориентацию. В аграрном обществе целостность социальных групп поддерживала религия, в индустриальном репрезентантом массы были заводы. Постиндустриальное общество диверсифицировано, разнородно, поликультурно. Медиа сложно оставаться массовой в условиях многоканальности распространения информации. Даже если все основные СМИ будут контролироваться через медиахолдинги, остаются лидеры мнений, которые пишут в «ЖЖ», «ВК», «Твиттер». В 2014 г. была принята законодательная попытка контролировать крупных блогеров-трехтысячников, однако после 276-ФЗ в 2017 г. Роскомнадзор прекратил вести реестр блогеров по причине неэффективности их учета и контроля. Это не остановило депутатов, которые в 2019 г. разработали закон об административной ответственности за публикацию искажающих факты новостей (фейках) и оскорблении власти. Вероятно, вторая часть названия лучше проясняет цель законодательной инициативы, которая не коснется ресурсов, зарабатывающих популярность на распространении городской мифологии, лженаучной информации, конспирологических версий.

Вся наша жизнь сегодня вписана в цивилизационный темп догоняющей модернизации. Медийность, информационный бум интернет-вещей и скорость оказывают сильное, порой гипертрофированное воздействие на сознание и поведение социума. Планетарный уровень интеграции экономики, политики, религии, морали, права, образования, науки и социальных практик — это концепция ноосферизма Вернадского — Субетто, где имеет место конвергенция индивидуальных и коллективных жизненных миров. Политические институты в условиях в информационном обществе претерпевают существенные

трансформации благодаря медиатизации, скорости распространения информации, массовости участников.

Политическая коммуникация сегодня должна учитывать растущую цефализацию и обратную связь граждан. Ведь санкции США и Евросоюза против администрации и крупных финансистов — это удар по всей России, по всем коллективам, которыми руководят субъекты санирования. Западная благосостояния и потребительского самосознания в том, что граждане хотят постоянно большего и, напротив, не хотят нести коллективные расходы за индивидуальные ошибки политиков, оплачивать санкции против высокопоставленных чиновников.

Информационные ресурсы сегодня имеют не менее важное значение, чем экономические и рычаги. Дальнейшее выживание и самобытное развитие России зависит от оснащенности и готовности к активному противостоянию в глобальной информационной войне, где средства поражения и цели не имеют привычного физического ущерба. Главные оппоненты России в информационной войне — Великобритания и США, а также их сателлиты: Польша, Грузия, Украина, прибалтийские страны. Ключевые игроки выделяют на воплощение антироссийских редакционных заданий миллиарды долларов. При этом основной мишенью является В. В. Путин как успешный лидер государства. В качестве боеприпасов используются инфоповоды — Крым, Донбасс, катастрофа Boeing 777 в Донецкой области и т. п. [5]

Политолог А. И. Фурсов обозначает гносеологическую ситуацию информационного противостояния термином «постправда»: «...когда для обвинения не нужны доказательства, для доказательств — аргументы. “Постправда” — это право сильного, т. е. контролирующего власть, деньги и информацию, объявлять “черное” “белым” — и наоборот, без всяких доказательств вынося приговоры неугодным (см.: “малайзийский боинг”, “отравление Скрипалей”, “химатака в Сирии”, “вмешательство РФ в американские выборы”, дело ВАДА и т. п.). Постправда — это один из способов ведения информационной войны в условиях монополии на глобальные СМИ» [6, с. 27].

Срастание политической и воровской элиты — кардинальная угроза путинской тимократии. Архетип Арашуковых — один из самых ярких медийных образов, вызвавший волну недовольства и гнев-

ных комментариев: «Они там все повязаны», «Убийца в сенате, вор в “Газпроме”», «В каком государстве живем! Без команды сверху, правоохранительная и судебная системы не работают. Все ждут команды, повелительного взмаха руки», «Все больше и больше понимаю Сталина». Пользователи в Сети недоумевают, почему такая могущественная организация, как «Газпром», имеющая свою службу безопасности, закрывает глаза на клановость назначений и судимость кандидатов? Арашуков Р. Т. имел две уголовные судимости, и это не помешало ему долгое время возглавлять «Газпром межрегионгаз Ставрополь»; он устроил многочисленных родственников на посты в других отделениях «Газпрома»?

Это не история про Кавказ и не про долги регионов «Газпрому», это история про гражданское общество и безопасность российского общества, где люди с темным прошлым могут десятилетиями быть уязвимыми меценатами и затем в один день стать нерукопожатными.

Есть этический кодекс, каким должен быть государственный служащий, из преступных кланов нельзя формировать управленческую элиту. Это должны быть люди с безупречной репутацией. Этическая коммуникация и имиджелогия также входят в понятие посттравматичности. Существуют положения о наборе, Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации», все необходимые фильтры, которые должны проверять и отклонять соискателей с уголовными и административными делами, скрывающих доходы, имеющих поддельные дипломы.

Иные способы влияния Сети на политическое сознание: трансляция пресс-конференций, голосование, информационные рассылки, размещение заявлений, обсуждение и комментирование, подача запросов через официальные сайты, координирование совместных акций, участие в опросах, использование мессенджеров как средства обмена оперативной информацией, распространение публикаций лидеров мнений, сбор подписей, проведение сетевых расследований.

Сеть — великий посредник между политикой и народом, ее воздействие можно описать с помощью синергетического «эффекта бабочки», когда сумма малых интеракций оказывает большое и непредсказуемое влияние на политику. Так, изнасилование дознавательницы

коллегами в Уфе и медиатизация событий в Сети стали причиной того, что тема открытого недопустимости харассмента стала активно обсуждаться в России, больше заявлений стало поступать в правоохранительные органы с жалобой на сексуальное домогательство. Некорректные высказывания некоторых чиновников стали причиной их увольнения из-за обсуждения в Сети и негативного отношения к власти. Вброс «Банда Цапков обедает деликатесами в тюрьме» привела к проверке Прокуратуры, а ряд должностных лиц в УФСИН по Амурской области уволены, либо привлечен к дисциплинарной ответственности.

В мировой медиасреде эффектом бабочки объяснялся приход к власти Б. Обамы, заручившегося поддержкой не крупных финансистов, а crowd funding, когда простые пользователи перечисляли сколько кому не жалко на выборную кампанию кандидата-демократа, обещавшего социальные блага.

Новые инструменты коммуникации продвигают не только бренды и товары, но политическую культуру, которая сегодня как никогда становится подотчетной народу и должна включать не только высокий IQ, но также эмоциональный (EQ) и моральный (MQ) индексы соответствия. Истории об аморальном поведении публичных лиц и организаций быстро попадают в Сеть и вызывают эффект бабочки в виде критики, стигматизации, протестного поведения, акций бойкота, механизма осуждения «не выбирай рублем». Скандалы наносят непоправимый удар по имиджу. Тот же клан Арашуковых сразу понял масштаб происходящего — «испачкали имя», «поливают грязью». Интернет распространяет информацию глобально и мгновенно. Потушить огонь возмущения граждан нельзя точечной фабрикацией новостей, это быстро замечают и разжигают событие до непоправимых масштабов. Сеть принимает только долгосрочные действия и честность. Никакие спланированные мероприятия в рамках SMM не помогут утаить социально значимую информацию. Только систематическое образование медиакультуре и этике коммуникаций, отбор квалифицированных кадров и влияние четвертой и пятой власти могут помочь противодействию коррупции и цинизму традиционных институтов власти.

Список использованной литературы

1. Тимощук А. С. Клиповое мышление как феномен социотехнической среды // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды : материалы IV международной научно-практической конференции, Москва, 13 декабря 2018 г. М. : Изд-во СГУ, 2018. С. 462–474.
2. Тимощук А. С. Медиакомпетентность: свобода подключения и отключения // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 1 (10). С. 50–58.
3. Тимощук А. С. Терроризм как сорняк пост-традиционной культуры // Всероссийская научно-практическая конференция «Человек. Религия. Право. Экстремизм: теория и практика противодействия» (29 мая 2014 года в Уральском юридическом институте МВД России). Екатеринбург : Урал. юр. ин-т МВД России, 2014. С. 201–204.
4. Бычков В. В., Иванов В. В., Маньковская Н. Б. Триалог. Первый разговор об эстетике, современном искусстве и кризисе культуры. М. : ИФРАН, 2007. 239 с.
5. Мецзякова В. Г. Новый виток информационной войны во время выборов президента России 2018 // Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития : сб. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. посвященной 70-летию юбилею УГНТУ / под общ. ред. проф. Э. С. Гареева. Уфа : Изд-во УГНТУ, 2018. С. 303–306.
6. Фурсов А. И. Капитализм, будущее мира и планы закрытых наднациональных структур глобалистов (на примере проблематики обсуждения на туринской встрече бильдербергского клуба 7–10 июня 2018 г.) // Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации : доклады и материалы Всероссийской научной конференции. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. С. 14–32.

3. ФЕНОМЕН ИМПЕРСКОСТИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ (круглый стол)*

УДК 008+316.722+316.323.83:008

Ю. В. Гудова
ассистент УрФУ,
Екатеринбург

ИМПЕРСКОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА[†]

Статья посвящена постколониальным исследованиям. Автор дает краткие описания и определения концептов «имперскость» и «культурный империализм». Перечисляется многообразие форм культурного империализма. Выделяются основные характеристики имперскости в концепции Г. Мюнклера. В качестве вывода автор перечисляет ряд вопросов, на которые еще предстоит ответить исследователям в изучении данной темы.

Ключевые слова: имперскость, культурный империализм, Г. Мюнклер.

* Материалы круглого стола публикуются при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00273 «Имперскость эпохи постколониализма в массовой культуре США, Японии и России».

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00273 «Имперскость эпохи постколониализма в массовой культуре США, Японии и России».

Тема имперскости и империализма в XXI веке становится чрезвычайно актуальной. Мы можем наблюдать, как страны борются между собой на международной арене за авторитет и главенство. Действия некоторых стран в СМИ могут оцениваться как «имперские», «проявления имперскости» или как «становление империи». Например, СМИ освещают идеи политиков о формировании Европейского Союза как новой империи [1].

Классические империи и империи постколониальной эпохи отличаются по форме существования и способам реализации власти. Классические империи, как правило, были морскими, то есть колонии были отделены от империи морским путем, и доминирование осуществлялось в основном путем военного доминирования, в дополнении к нему были политическое и экономическое доминирование. Самым последним и малозначительным элементом власти в таких империях было культурное доминирование. В современном мире традиционных колоний и империй не существует, поэтому соответствующая система доминирования не существует, она переворачивается. Таким образом, культурное доминирование в XXI веке становится основным способом осуществления власти, политическое и экономическое способствует первому, а военное доминирование почти исчезло или не артикулируется и не освещается в позитивном контексте в официальных СМИ.

В постколониальных исследованиях принято говорить не о доминировании, а об империализме [2]. В таких терминах речь идет именно об имперских интенциях государства, в то время как термин «доминирование» является более нейтральным. Последний термин может быть применен к политике любой страны, в то время как первый термин употребляется относительно государств, которые являются наиболее авторитетными в международной политике и которые претендуют на статус гегемона или империи.

В наших исследованиях больше всего акцент делается на культурный империализм, так как в нашем представлении это основной способ реализации власти в отношениях между государствами. «Культурный империализм» как концепт и феномен изучали многие ученые, начиная со второй половины XX века: Э. Саид [3],

Й. Галтунг [4], С.П. Майнс [5], Г. Мюнклер [2], О. Бойд-Барретт [6] и др. Мы определяем культурный империализм следующим образом: это подчинение всей целостности системы культуры и отдельных ее компонентов (таких как «география», «государственная культурная политика», «визуальная эпистемология», «коммуникации») власти империи, а также трансляция этой власти в глобальном масштабе. Культурный империализм реализуется в разных сферах культуры, поэтому исследователи говорят о более конкретных проявлениях феномена: научный империализм [4], коммуникационный империализм [4], лингвистический империализм [7], медиаимпериализм [6; 8].

К концепции культурного империализма есть ряд вопросов. Один из них: где грань между доминированием и империализмом? В соответствии с нашей концепцией мы предполагаем, что об империализме, в том числе культурном, можно говорить, когда в политике государства прослеживаются имперские амбиции. Важным элементом в реализации такой политики становится имперскость. Стоит отметить, что единое определение понятия «имперскость» на данный момент не сформулировано. Нам представляется, что данная категория является существенной для изучения империй нового типа и для изучения феномена культурного империализма. Наша гипотеза состоит в том, что именно категория имперскости является интенцией к осуществлению любого вида империализма, в том числе и культурного. Понятие «имперскость», как и «империализм», начинает существовать применительно к классическим империям, но затем начинает использоваться безотносительно классических империй. Таким образом, любая империя может стать носителем имперскости и осуществлять политику империализма как классическая империя, так и неклассическая.

Г. Мюнклер в своей работе «Империи. Логика господства над миром» [2] выделяет несколько основных отличительных черт «имперскости». Во-первых, государство с характерной «имперскостью» выстраивает отношения с другими государствами из позиции главного и подчиненного государства [2, с. 35]. Во-вторых, границы и власть такого государства существуют в сфере символического [2, с. 26].

Именно поэтому культурный империализм имеет доминирующее влияние в выстраивании международных отношений. По мнению исследователя, страна с имперскими интенциями в современных реалиях должна занимать лидирующие позиции во всех сферах культуры: не только в уровне развития экономики и гонке вооружений, но и зачете нобелевских премий, рейтинге университетов, количестве Оскаров, олимпийском медальном зачете и т. д. [2, с. 68].

Российское научное сообщество только начинает осваивать методологию постколониальных исследований, начинает изучать современные типы «империализма» и «имперскости». Перечень работ, посвященных постколониальной проблематике, очень скромный, что позволяет делать вывод, что вокруг этой проблематики формируется новое поле для изучения. По данным РИНЦ есть несколько авторов, которые в 2018–2019 гг. публиковали материалы по вышеуказанным темам: А. А. Крутиков [9], Н. Е. Меркулова [10], П. Б. Салин [11], Л. Я. Тумялис [12], а также авторы нашего научного коллектива Ю. В. Гудова [13; 14] и О. В. Язовская [15].

В рамках исследования империализма и имперскости ключевым становится следующий ряд вопросов. Где именно проходит грань между доминированием и империализмом? Разные методологии порождают разные категориальный аппарат, поэтому возникает вопрос о соотношении концепта «культурный империализм» с другими концептами, такими как «soft power», «аккультурация», «ассимиляция» и др. Термин «империализм» появился в XIX в., поэтому дискуссионным является вопрос: можно ли применять термин «империализм» для описания политики государств, существовавших ранее? Несмотря на попытки определения «имперскости», все равно остается вопрос о сущностных характеристиках этого явления. На эти и другие подобные вопросы на данный момент нет однозначных ответов в научном сообществе, в том числе и в российском. Слова «империя», «имперское», «имперскость» благодаря СМИ начинают встраиваться в повседневность современного человека российского общества, поэтому ученым предстоит осмыслить существование этих феноменов в современности.

Список использованной литературы

1. Корнилов В. Новая эпоха империй. Европа боится остаться за бортом истории // РИА «Новости», 29.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190929/1559235950.html> (дата обращения: 06.10.2019).
2. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М. : Кучково поле, 2015. 400 с.
3. Саид Э. Культура и империализм. СПб. : Владимир Даль, 2012.
4. Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // Journal of Peace Research. 1971. Vol. 8 (No. 2). P. 81–117.
5. Mains S. P. Cultural imperialism // International Encyclopedia of Human Geography. 2009. Vol. 1. P. 322–329.
6. Бойд-Барретт О. Медиа-империализм. Харьков : Гуманитарный центр, 2018. 292 с.
7. Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford [England] : Oxford University Press, 1992. 374 p.
8. Dal Y. J. Reinterpretation of cultural Imperialism: emerging domestic market vs continuing US dominance // Mass Culture and Society. 2007. Vol. 29, No. 5. P. 753–771.
9. Крутиков А. А. Трудное расставание с «имперскостью» // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 1 (17). С. 130–135.
10. Меркулова Н. Е. Отражение идей лингвистического и культурного империализма в новой английской лексике // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2019. № 15. С. 94–103.
11. Салин П. Б. Имперскость 2.0? // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17, № 2. С. 73–84.
12. Тумялис Л. Я. Культурный империализм и фольклор в период глобализации // Человек: границы бытия : материалы междунаро. науч.-практ. конф. / под науч. ред. С. А. Ан. Барнаул, 13–14 сентября 2018 г. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2018. С. 365–370.
13. Гудова Ю. В. Культурный империализм: концепт и феномен // Лики культуры в эпоху социальных перемен (XIII Колосницынские чтения) : материалы Всерос. с междунаро. участием науч. конф., 23–24 марта 2018 г., Екатеринбург / под ред. Н. Б. Кирилловой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 29–33.

14. *Гудова Ю. В.* Понятия «культурный империализм» и «имперскость» на стыке постколониальной и культурологической методологии исследований // Человек в мире культуры: проблемы науки и образования (XIV Колосницынские чтения) : материалы Международ. науч. конф., 26–27 апреля 2019 г., Екатеринбург / под ред. Н. Б. Кирилловой и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 20–23.

15. *Язовская О. В.* К вопросу о формировании культурного империализма в Японии: моральное воспитание в системе школьного образования // Лики культуры в эпоху социальных перемен (XIII Колосницынские чтения) : материалы Всерос. с международ. участием науч. конф., 23–24 марта 2018 г., Екатеринбург / под ред. Н. Б. Кирилловой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 335–339.

УДК 792–2(73)

Г. В. Бакуменко
преподаватель АСПИ,
Армавир

ДИНАМИКА ЦЕННОСТИ УСПЕХА КОЛЛЕКТИВНОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КИНОПРОКАТЕ США

Принято считать, что своеобразие американской культуры обусловлено приматом индивидуализма, а русская, в противовес западным культурам в целом, отличается коллективизмом. Между тем комплекс качественных и количественных методов исследования массива фильмов кинопроката США 1980–2019 гг. позволяет фиксировать динамику изменений ценностных приоритетов в символах успеха коллективной и индивидуальной деятельности. Приходится признать, что коллективизм и индивидуализм как идеологические стереотипы самоидентификации культур не отражают реальной картины развития ценностно-смысловых комплексов, влияющих на социальное поведение.

Ключевые слова: культура, ценности, изменчивость, динамика, социокультурный процесс, успех деятельности, символы успеха, кинематограф.

Учитывая глобальный размах «силового поля Голливуда» [1, с. 16–18], кинематограф США можно рассматривать как действующий инструмент культурной экспансии. К. Э. Разлогов пишет о трансформации в XXI в. «Голливуда из явления американской культуры в транснациональную корпорацию, производящую фильмы, изначально рассчитанные на планетарное распространение» [2, с. 61]. Хотя не все исследователи с ним согласны, считая, что Голливуд по-прежнему сохраняет свою субъектность и культурную идентичность (Э. Хигсон [3, р. 63–74], М. И. Жабский [1, с. 16–18] и др.), есть мнения, что эволюционирует и ценностное содержание американских фильмов 2015–2016 гг. (Н. А. Цыркун [4] и др.).

Традиционно считается, что своеобразие американской культуры обусловлено приматом индивидуализма (Г. Альтен [5], Д. Девос [6], Р. С. Линд [7], Э. К. Стюарт и М. Дж. Беннет [8] и др.). Это мнение так распространено, что взято за основу типологии культурных различий (ось «индивидуализм — коллективизм» Г. Хофстеде [9; 10]). Но вопрос, устойчивы ли ценностные соотношения индивидуализма и коллективизма в социокультурных системах, до последнего времени не ставился.

Постановка вопроса требует процессного исследования фундаментальных ценностных категорий, обуславливающих не только идеологические стереотипы самоидентификации культур, но и стереотипы индивидуального и коллективного поведения. В качестве таких категорий можно рассматривать символы успеха коллективной и индивидуальной деятельности, без которых не обходится ни одно повествование.

То, что культура не только совокупность объектов, но и процесс их созидания, заложено еще в цитероновском словоупотреблении [11].

Следует обратить внимание на два существенных положения М. М. Бахтина, значительно повлиявших на теорию дискурса (М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева и др.), современную нарратологию и теорию управления (Р. Барт, Дж. Брунер, Б. Чарнявска, У. Р. Фишер,

К. Бёрк, М. Альвессон, К. Гирц, Дж. Сандберг, Б. Лоакер и др.), реляционную теорию коммуникации (Л. Бакстер, Дж. Вуд, Дж. О. Грин, В. Манусов, Р. Т. Крейг и др.): 1) любое повествование организовано вокруг собственного хронотопа, отражая в том числе, и процессуальность реальности; 2) диалог во всех его проявлениях формирует динамичную коммуникативную метасреду, через призму которой культура и повседневность постоянно взаимоотнопределяются [12]. М. М. Бахтина причисляют к кругу наиболее влиятельных мыслителей XX в. [13–17 и др.]. Однако было бы наивно полагать, что его существенным вкладом ограничивается теория исследования социокультурных процессов. Она постепенно формировалась в трудах Н. Я. Данилевского, У. Джеймса, Р. О. Якобсона, Дж. Дьюи, Р. Мертона, Дж. Мида, А. Бергсона, Ж. Делёза и др.

В частности, Ж. Делёз приходит к выводу, что кино «порождает интеллигибельную материю, служащую <...> допущением, условием и необходимым коррелятом, сквозь толщу которого язык-language строит собственные “объекты” (значащие единицы и операции)» [18, с. 594]. То есть кино мыслится в том числе и как процесс «строительства» языков, средств коммуникации. Книга, провоцируя воссоздание воображаемых абстрактных хронотопов, все же не может сравниться с коммуникативными возможностями фильма [19, с. 331]. Кинематограф как ретранслятор информации, ценностей и смыслов формирует собственную смысловую метасферу, необходимое условие для успеха межличностной и межкультурной коммуникации [17; 20–21].

Анализируя различные коммуникативные процедуры, оттолкнувшись от наиболее распространенной «телеграфной» ($A \rightarrow O \rightarrow B$) схемы Ч. Пирса и Ф. Соссюра, где «А» и «В» — субъекты коммуникации, а «О» — объект (сообщение), Ю. М. Лотман приходит к выводу, что данная схема описывает не только одну из множества возможных коммуникативных процедур, но и по существу исключительную ситуацию непосредственного управления ($Я \rightarrow Он$, где Я — управляющий субъект, а Он — управляемый) [22, с. 150–372]. Различение отдельных видов сообщений (сигналы, знаки, символы и т. д.) сразу же указывает на исключительность «телеграфной» схемы, поскольку ее объектом могут быть лишь сигналы. Кроме того, схема

автокоммуникации, передачи сообщения самому себе во времени ($A \rightarrow O \rightarrow A_1$), исключающая в принципе конвенциональность обмена, свойственная не только личности, но и обществу в целом, указывает на богатейшую сферу неконвенциональных коммуникативных отношений (отношений дара или дарения). Совокупность кинофильмов можно рассматривать как сообщение в такого рода взаимодействии общества с самим собой сквозь время. В этой связи актуально обращение Ф. Адольфа к переосмыслению наследия М. Мосса [23], на новом уровне теоретизации демонстрирующее, что капиталистическими формами обмена и накопления социальная коммуникация не ограничивается.

В теории управления сформировалось положение о ресурсном функционале культуры [24; 25]. Т. Хернес и М. Шульц, обобщая существующие теоретические подходы, выделяют общие для теоретического дискурса и управленческих стратегий основания типологии: эволюционные (Evolutionary), периодические (Periodic) и возобновляемые (A Becoming) [24, p. 356–371]. М. Фельдман указывает, что акторно-сетевая теория стоит особняком, поскольку не только формирует новый взгляд на реальность, но и позволяет по-новому на нее воздействовать [24, p. 625–635]. Всю совокупность подходов можно разделить по онтологическим основаниям на «слабые» (бытие процессов) и «сильные» (становление процессов) [24, p. 625].

Наше исследование раскрывает одну из сторон бытия культуры как комплекса небιологических программ жизнедеятельности людей [26]. Динамика ценности успеха коллективной и индивидуальной деятельности на примере анализа массива фильмов в кинопрокате США рассматривается как проявление социокультурного процесса [27].

Рассматривая массив популярных в кинопрокате США фильмов 1980–2019 гг., представленных в топ-10 лидеров кассовых сборов по статистике Box Office Mojo («Information courtesy of Box Office Mojo. Used with permission» [27]) как объект исследования, мы ввели уточненные основания типологии ценностных характеристик символов успеха индивидуальной (персоноцентризм) и коллективной (социоцентризм) деятельности [27]. Что позволило массив фильмов по нарративному содержанию разделить на два класса персоноцентричных и социоцентричных фильмов (см. табл. 1 [27]).

В работе применен комплекс методов деятельностного, структурно-функционального и семиотического подходов к исследованию явлений культуры, синтез которых предполагает системный методологический метауровень, позволяющий обобщать опыт смежных дисциплин в рамках культурологии. Помимо общенаучных (анализ и синтез, сравнение, аналогии, абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному, теоретическое моделирование), использованы количественные и качественные методы исследования эмпирических данных: генеральная выборка, классификация, структурирование, контент-анализ массива фильмов. Основным специальным методом выступает типология видов деятельности и символов успеха индивидуальной и коллективной деятельности в кинофильмах, основанная на процедурной схеме программ деятельности Г. П. Щедровицкого (см. [27]).

Динамика популярности персонцентричных и социоцентричных фильмов, отраженная на временной шкале согласно датам премьерного показа (см. рис. 1 [27]), позволяет фиксировать динамические состояния социокультурных систем: тенденции социальной интеграции и централизации (социоцентризм) либо дезинтеграции и децентрализации (персонцентризм).

Обнаруженные флуктуации динамики ценности успеха коллективной и индивидуальной деятельности в кинопрокате США свидетельствуют о неоднородности ценностей американской массовой культуры; об изменчивости во времени ценностных приоритетов коллективной и индивидуальной деятельности; об инерции ценностной динамики, формирующей устойчивые тенденции.

Полученные результаты в свете последних коммуникативных и процессных исследований позволяют интерпретировать динамику ценности успеха коллективной и индивидуальной деятельности как один из онтогенетических процессов культуры, филогенетически связанный с закономерностями движения сложных саморазвивающихся систем и влияющий на все сферы жизнедеятельности. Экстраполируя, к примеру, предложенную теоретическую модель в сферу политических процессов, можно установить корреляцию усиления социоцентризма с трансформацией либеральных взглядов в неолиберализм, ведущий к тоталитаризации политических систем,

а персоноцентризма — с усилением националистических и шовинистических настроений. Последнее предположение, конечно же, требует дальнейших междисциплинарных исследований. На данном же этапе приходится признать, что коллективизм и индивидуализм как идеологические стереотипы самоидентификации культур не отражают реальной картины развития ценностно-смысловых комплексов, влияющих на социальное поведение.

Исследование, помимо прочего, демонстрирует продуктивность системного методологического метауровня культурологии в отношении «слабых» и «сильных» программ изучения процессов. Предложенный комплексный подход раскрывает перспективы иерархического ранжирования динамических явлений по степени их распространенности в социокультурных системах различного уровня сложности. Сложность социокультурной системы, предположительно, усиливает ее адаптивность к внешним и внутренним вызовам, из чего следует, что упрощение социокультурной коммуникации до уровня «телеграфной» схемы усиливает уязвимость общества и угрозу социальной энтропии.

Список использованной литературы

1. Кино и коллективная идентичность / В. С. Жидков, Н. А. Хренов, М. И. Жабский и др. М. : ВГИК, 2013. 302 с.
2. Разлогов К. Э. Парадоксы глобализации: кино на пересечении искусства и промышленности // Культура и искусство. 2011. № 2. С. 61–71.
3. Cinema and nation / ed. M. Hjort, S. MacKenzie. 1st ed. London : Routledge, 2000. 352 p.
4. Цыркун Н. А. Индивидуализм как «культурный синдром» в новейшем американском кинематографе // Вестник ВГИК. 2017. № 2. С. 114–122.
5. Althen G. American Ways: A Guide for Foreigners in the United States / 2nd ed. Yarmouth, Maine : Nicholas Brealey Publishing, 2003. 328 p.
6. DeVos D. Rediscovering American Values: The Foundations of Our Freedom for the 21st Century. Dutton : Penguin, 1997. 306 p.
7. Lynd R. S. Knowledge for What: The Place of Social Science in American Culture (Princeton Legacy Library). Princeton : Princeton University Press, 2015. 280 p.

8. *Stewart E. C., Bennett M. J.* American Cultural Patterns: A Cross-Cultural Perspective / 2nd ed. Boston ; London : Nicholas Brealey Publishing, 2005. 228 p.
9. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values. Newbury Park, CA : Sage Publications, 1980. 475 p.
10. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations / 2nd ed. Thousand Oaks, CA : Sage, 2001. 596 p.
11. *Цицерон М. Т.* Диалоги / ред. И. Н. Веселовский и др. ; пер. В. О. Горенштейна ; РАН. Репринт. изд. М. : Ладомир ; Наука, 1994. 222 с.
12. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов // Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. 957 с.
13. *Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass : Belknap Press of Harvard University Press, 1984. 398 p.
14. Box Office Mojo — About Box Office Mojo. IMDb.com, Inc., 1990–2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boxofficemojo.com/about/?ref=ft> (дата обращения: 18.05.2019).
15. *Morson G. S., Emerson C.* Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford, Calif : Stanford University Press, 1990. 530 p.
16. *Hirschkop K.* Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democracy. Oxford : Oxford University Press, 1999. 332 p.
17. *Holquist M.* Dialogism: Bakhtin and His World. New York : Routledge, 2002. 228 p.
18. *Baxter L. A.* Voicing Relationships: A Dialogic Perspective. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, Inc., 2011. 224 p.
19. *Делёз Ж.* Кино / пер. с фр. Б. Скуратова ; ред. и вступ. ст. О. Арнонсона. М. : Ад Маргинем, 2004. 624 с.
20. *Маклюэн М.* Понимание медиа / пер. с англ. В. Г. Николаева ; закл. ст. М. К. Вавилова. М. ; Жуковский : Канон-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. 464 с.
21. *Craig R. T.* Reflections on Communication Theory as a Field // *Revue Internationale de Communication Sociale et Publique*. 2009. № 2. P. 7–12.
22. *Jimenez L. G.* The Pragmatic Metamodel of Communication: A cultural approach to interaction // *Studies in Communication Sciences*. 2014. № 14(1). P. 86–93.

23. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб., 2000. 704 с.
24. Adloff F. Gifts of Cooperation, Mauss and Pragmatism. Abingdon, OX; New York, NY : Routledge, 2016. 196 p.
25. Langley A., Tsoukas H. The SAGE Handbook of process organization studies. London : SAGE Publications Ltd, 2016. 678 p.
26. Pentland B. T. Book review / Eds. Ann Langley and Haridimos Tsoukas The SAGE Handbook of Process Organization Studies // Organization Studies. 2017. № 38(12). P. 1796–1800.
27. Степин В. С. Культура — Новая философская энциклопедия // ИФ РАН, 2010–2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (дата обращения: 18.05.2019).
28. Бакуменко Г. В. Персоноцентризм и социоцентризм как маркеры символизации успеха в художественной реальности фильмов кинопроката США // Культура и искусство. 2019. № 4. С. 1–8. DOI: 10.7256/2454–0625.2019.4.29419. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29419

УДК 398:316.323.83+316.62:159.922+801.81:398.2

E. V. Gileva

PhD, Assistant Professor, Novosibirsk State Technical University
Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences,
Novosibirsk

RUDIMENTS NOTIONS OF THE EMPIRE IN MODERN WRITING FOLK ART

The article describes the notions of empire and imperial, characteristic of mass consciousness. The study is done on the material of amateur poetry. The author examines the use of words that reflect the imperial theme in amateur poetry. In addition, the author describes the peculiarities of the manifestation in the amateur poetry of images describing the typical Russian cultural space of the epoch of the Russian Empire

and images related to the experience of elements of imperial character of Russia in different historical periods.

Keywords: written folk art, amateur poetry, representations about empire, mass consciousness.

I. Introduction. In our opinion “written folk art” is an imitation of the form of fiction, but not conforming to the principles of artistry.

Amateur authors are inclined to the sacralization of their own creativity. They make the final collections of their poems as peculiar “Books of life” or general confessions. For this reason such books can be considered as an interesting material to study how mass man understands social and historical processes. This approach has been tested many times by research practice [1–3]. Our collection includes more than 200 such books collected in the Russian province (Novosibirsk, Tomsk, Krasnoyarsk region, Tambov, Omsk, Kemerovo, Orenburg, Moscow region, Republic of Khakasia).

If we talk about the investigation of the phenomena of imperialistic and Empire in the mass consciousness, we should note that most of the work is done on the material of publicistic texts [4–7].

II. Research Methods. In our work the method of content-analysis is used mainly. Contextual analysis elements are also used.

At the first stage we identify the number of uses of the words “Empire”, “Emperor”, “car” (“king”), “monarch”, “monarchy”, “gosudar”, “Velikij knyaz”, “ruler”, “Imperial” in poems of written folk art. This series is identified with the help of dictionaries synonyms. Then we make a typology of contexts of usage of this word. In addition, we identify 1) images with the help of which the Russian Empire was described in the classical Russian literature, 2) images describing the typical Russian cultural space of the epoch of the Russian Empire, 3) images related to the experience of elements of the imperial character of Russia in different historical periods.

When quoting spelling and punctuation by authors are retained.

III. Results. In our collection of books, the lexemes mentioned in the previous section are rarely used. Poems devoted to topics in which these tokens are commonly used are extremely rare. These tokens are

used by the authors at best once. At the same time, the vast majority of books have an underlined patriotic beginning. There are titles: “The fate of the country is my Destiny” (M. Toptygin, Bratsk, 1998), “It is impossible to change Russia...” (L. Shumakova, without output, after 2014), “My small homeland” (T. Ostapenko, Sayyansk, 1993), “Daughter of the Siberian Land” (V. Vasilyeva, Novosibirsk, 2015). The image of a small homeland interested in amateur authors is almost more than the image of the homeland-state. In this connection are interesting isolated examples of representations about empire in amateur poetry. The poetic Book of P. Kislov is called “Love, fatherland and faith. Artistic-patriotic and historical romance in three parts” (Novosibirsk, 2015). The text of the poetic novel is a biography of the famous pilot, hero of the Soviet Union A. I. Pokryshkin. The title comes from the military motto of the Times of the Russian Empire “For Faith, the king and Fatherland”. It is indicative that the amateur poet Kislov changes in the triad of culturally marked element “the king” on the neutral element “Love”. The patriotic component of the book is so important for the author that he makes patriotism a literary genre.

The amateur poet V. Baranov writes in a poem “The ruler”: *“Правитель черный правит балом / Он нынче всюду и везде <...> Орлом трехглавым он летает, / Закон как хочет тербя <...> Он самый сильный, всемогущий <...> / Идет борьба за место Бога, / За место власти меж людей”* (“The black ruler rules the prom, he is now everywhere and everywhere... He flies in the image of a three-headed eagle, breaks law on his own arbitrariness... He is the strongest, the almighty... There is a struggle for the post of God, for power over people”; “On the pass of two centuries”, Tambov, 2006). The sinister image of the ruler creates and Y. Bernadsky in his verses: *“В любом неодобрении измену / И заговор стал видеть государь”* (“Sire became any disapproval to interpret as treason”; “On the Kalinovy Bridge”, Novosibirsk, 2016). In another poem this poet writes: *“Подневольный Твой народ слова не имеет <...> Кошь указа Твоего кто не разумеет, / Прикажи их, Государь, батогами драть”* (“Your bonded people has no word... Order, sire, to beat those who do not understand your orders”; in the same book). Thus, the poets describe the sole ruler. In their interpretations it is absolute and sinister. The figure

of a strong sole ruler is not denied. Poet I. Semykin writes: “*Нам не нужны героев, нам вожди не нужны, / Мы желаем покоя, мы хотим тишины*” (“*We do not need heroes, we do not need leaders, we want peace, we want silence*”), but in the following lines he says: “*И мы будем довольны, как капуста на грядке, / Пусть поменьше свободы, зато больше порядка*” (“*And we will be satisfied, as cabbage on a bed, let less freedom, but more order*”; “Three quarters”, Novosibirsk, 2010). V. Vasilyeva devotes her poem to V. V. Zhirinovskiy and asserts: “*Чтоб страну править! / Жестокостью и нужно все поправить*” (“*In order to rule the country, you need cruelty*”; “Poems and Songs by Vera Vasilyeva”, Novosibirsk, 2007). The poet in his poems can reflect the change of the ruler’s person, autocracy persists. For example, A. Verin writes: “*Дай-то Бог силенок Путину, / Чтоб чуть-чуть прижал ворюг! / Чтобы Ельцина-иудины / Разорвал порочный круг!*” (“*God forbid Putin to defeat the thieves, to break Yeltsin’s vice*”; “Last Driver”; Novosibirsk, 2001).

Another poet, V. Moiseyev, writes in his poem: “*Я никогда не буду в Риме <...> Не для меня имперский римский / Орел, хотя и одноглавый. / Я сам живу в полуголовой / Империи на грани краха, / В большой стране у кромки страха, / И гунны вроде в дверь колотят*” (“*I will never be in Rome <...> there is no Imperial Roman eagle for me, even though he is with one head. I live in a half-corner of one empire, which is on the verge of collapse. I live in a big country near the edge of fear. and the Huns seem to be pounding at the door*”; “Trails of freedom”, Orenburg, 2002).

On the covers of books often meet landscapes with beaches, images of temples over the river, rural temples, candles, icons. This, of course, not the entire palette, but such a figurative series is a distinct trend of design. About half of the books considered contain poems and sections about the motherland, the image of which is mainly represented in the form of “Rus”. At the same time Rus’ is mainly described as a space of abundant nature.

Images describing the typical Russian cultural space of the epoch of the Russian Empire and images related to the experience of elements of imperial character of Russia in different historical periods are also found in the poems by amateur poets. They always arise in a nostalgic context. They usually evoke aesthetic admiration: proms, quasars, officers,

ladies, cossacks, civil war. The amateur poet A. Verin writes: “Так откуда бессилье / Сегодняшних дней?! <...> Да, видать, не осталось / Казаков и коней.” (“Where is the source of modern powerlessness? Cossacks and horses disappeared”).

In the image of the country as a whole amateur poets, as a rule, mark its:

— exclusivity (“Нет жара там от русской печки / Не сможешь Родину забыть” (“No heat there from the Russian stove. Can not forget the motherland”; L. Shumakova));

— epiphany (“Но лишь моя страна граничит с Богом, / И он ее от бедствий бережет” (“Only my country has a border with God and God saves it from trouble”; N. Parhomeko, “I’m marking the world in your soul”, Novosibirsk, 2013));

— fidelity to the country (“Россия-мать! Моя родная! / Покинуть можно ли тебя?” (“Russia-mother! Honey! I can’t Leave you”; L. Shumakova));

— the need to sacrifice life for the benefit of the country (“И ты за все свое родное / Готова будешь все отдать” (“And you’ll be ready to give everything for your native”; L. Shumakova)).

It is noteworthy that one of the authors says that he is ready to sacrifice a foreign life for the benefit of the country: “В блокаде той я не была. / Отдал ты жизнь отец мой милый. / Но если б Родина звала — / Я все бы также повторила.” (“I was not in Leningrad’s blockade. My dear father, you gave your life. If the motherland demanded this today, I would like to repeat these tragedies”, L. Shumakova).

IV. Conclusion and discussion. Man in amateur poetry dissolved in the richness of his native nature (“Мы сделаны из русского пейзажа” (“We are a Russian landscape”; N. Parhomeko)), sacrificed to the public interest. It has two images of the motherland: homeland-state and small homeland (place of birth). Both are great and plentiful, but the first one usually requires sacrifice. And the man in the amateur poetry is ready to satisfy this requirement. Greatness of homeland-state is connected with the figure of the sole ruler. Thus the sole ruler, as a rule, negative, but absolute and immutable figure.

On the one hand, there is a simplification, which in general is typical for written folk art. On the other hand, it is a simplification of biased and

is subject to justification in the context of historical and social contexts. The revealed features are not accidental and are not explained with the help of the features of mythological thinking. Peculiarities of interpreting the image of the empire in amateur poetry are connected with the fact that the authors interpreted the public agenda in the generalized categories and fragmentary formations.

References

1. *Kostyakova J.B., Titova V.S.* Amateur Poetry and the Press in the Civil War (as Exemplified by the Newspaper “Krasnoyarsky Rabochy” of 1920) // Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2018. Vol. 7. No. 1. P. 42–58. (In Russian).
2. *Makhnryov A.L.* “Naïve” Poetic Texts Devoted to the 800th Anniversary of Moscow and the 30th Anniversary of the Great October Revolution as a Historical Source // *Tekst, kontekst, intertekst : sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “HIII Vinogradovskie chtenija”* (g. Moskva, 15–17 oktjabrja 2013 g.) / ed. by I.A. Birich, M.N. Nikolaev. Vol. III: Foreign Philology. Philosophy. Story. Part 2. Moscow : Moscow State Pedagogical University, 2014. P. 166–173. (In Russian).
3. *Rykunina Yu.A.* The First World War in Art Works by “Peoples Writers” // *The New Philological Bulletin*. 2015. No. 1(32). P. 32–45. (In Russian).
4. *Kalmykov A.A.* Imperial idea in the Russian society: the experience of axio-communicative analysis // *Values and communication in modern society* / ed. by Sergey V. Klyagin PhD (Science), Professor, and Olga D. Shipunova, PhD (Science), Professor. St. Petersburg : Polytechnic University Publishing house, 2012. P. 170–179. (In Russian).
5. *Marchenya P.P.* Imperial Idea and Mass Legal and Political Consciousness in Russia // *Imperskie predchuvstvija Rossii* (Imperial presentiments of Russia) / ed. by Yu. M. Osipov, O. V. Inshakova, M. M. Guzev, E. S. Zotova. Moscow ; Volgograd : Volgograd Scientific Publishing House, 2005. P. 298–300. (In Russian).
6. *Saetgalieva F.F.* Russian Mass Consciousness: Authoritarian and Konservativen Trends // *Collections of Conferences Science Publishing Center “Sociosphere”*. 2015. No. 10. Current Issues of Modern Socio-political Phenomena: Theoretical and Methodological and applied Aspects (Materials of the III Interna-

tional scientific Conference on March 13–14, 2015). Praha : Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, s. r. o., 2015. P. 73–75. (In Russian).

7. *Shchipkov V.A.* From Empire to Empire: on the Quest for a New Social-Political Language // International communications. 2017. No. 4. P. 4 [Electronic Resource]. URL: <http://intcom-mgimo.ru/2017-04/empire-quest-for-new-language> (Date of circulation: 15.05.2019). (In Russian).

УДК 070.15(470.5)+004.032.6+81'42:323.232

С. С. Курильченко

Аспирант Института философии и права УрО РАН,
Екатеринбург

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ШТАМПЫ КАК ФОРМА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕДИА НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Данное исследование, опираясь на методологию дискурс-анализа, проводит сравнение различных определений-идентификаторов, используемых средствами массовой информации Свердловской области для обозначения лиц, объектов, топографических единиц и т. д. Вместе с идентификаторами они приобретают новые коннотации и могут выступать в качестве своеобразной формы региональной идентичности. Это может иметь интересное значение в контексте имперского образа мышления.

Ключевые слова: СМИ, медиа, дискурс, идентификатор, идентичность, имперскость, Екатеринбург, Свердловская область.

Империя и «имперскость» как образы и идеи, включенные в массовую культуру, обладают рядом характеристик, в том числе пространственных. В частности, у любой империи обязательно есть центр и есть периферия [1; 2].

Если рассматривать данную проблематику с точки зрения средств массовой информации и прочих медиа («информационная империя»,

«медиаимперия»), то окажется, что и для них феномен имперскости вполне актуален и также имеет определенную привязку к географии.

Средства массовой информации, как следует хотя бы из их определения, разумеется, имеют принадлежность к массовой культуре. Сообщения СМИ оказывают влияние на культурно-мировоззренческое восприятие своей аудитории и могут самовоспроизводиться, что, несомненно, делает их культурным феноменом [3].

Большинство крупных информационных холдингов базируются в Москве (центр). Исследуя же региональные СМИ, мы так или иначе обращаемся к «периферии», которая в чем-то равняется на метрополию, в чем-то ей противопоставлена. И каковая обязательно обладает некоей региональной идентичностью [4].

Установив это, мы предлагаем в дальнейшем отказаться от углубления в понятия, свойственные культурологическому дискурсу, чтобы остаться в политологической парадигме. И перейдем к тому, что, собственно, составляет основу региональной идентичности в свердловских СМИ.

Дискурс-анализ публикаций в ряде региональных изданий Свердловской области показывает, что отдельные личности, объекты и явления получили в прессе устойчивые наименования-идентификаторы [3; 5].

Для анализа использовались публикации наиболее цитируемых медиаресурсов региона по версии компании «Медialogия» [6]. Брались два контрольных периода — сентябрь 2018 года и март 2019 года. В первом случае временной промежуток пришелся на пик региональных политических процессов (9 сентября 2018 года состоялись выборы депутатов Екатеринбургской городской думы). Во втором — на период, лишенный крупных информационных поводов. Полученные результаты представлены в следующей таблице (табл. 1):

В первом столбце таблицы указаны личности или объекты, упоминаемые в медиа. Во втором — идентификаторы, под которыми они упоминаются. В третьем и четвертом столбцах указано число упоминаний всего и число упоминаний с данным идентификатором (общее количество упоминаний Екатеринбурга и Нижнего Тагила было экстраполировано по данным за один календарный день).

Таблица 1

Основа региональной идентичности в свердловских СМИ

№	Идентификатор	Объект идентификации	Упоминания	
			сентябрь 2018	март 2019
1	Актриса Юлия Михалкова	«Уральская пельмешка»	16/11	3/–
2	Музыкант Александр Пантыкин	«Дедушка уральского рока»	6/2	12/8
3	Политик Владимир Тунгусов	«Серый кардинал»	141/37	16/3
4	Трасса Екатеринбург — Серов, известная большим числом автомобильных аварий	«Трасса смерти»	1/1	2/1
5	Недействующая водонапорная башня в районе Уралмаша	«Белая башня»	8/8	15/15
6	Плотина на реке Исеть в историческом сквере Екатеринбурга	«Плотинка»	5/5	28/27
7	Кольцовский тракт, реконструированный губернатором Эдуардом Росселем	«Россельбан»	4/2	4/3
8	Сысерть	«Уральская Рублевка»	25/2	13/1
9	Нижний Тагил	«Путинград»	690/9	570/6
10	Екатеринбург	«Грязьбург»	1710/12	1620/51
11	Верхняя Пышма	«Столица УГМК»	40/2	35/–

Приведенные в таблице объекты можно разделить на три типа:

1. Личности. Медийные персоны, упоминаемые в СМИ по роду деятельности.
2. Локальные объекты. Объекты, обладающие конкретной пространственной и топографической привязкой.
3. Муниципальные образования. Населенные пункты Свердловской области.

Как показали результаты исследования, вторая группа объектов имеет наиболее плотную привязку и чаще упоминается в публикациях СМИ с идентификатором, чем первая и третья. Например, бывший руководитель администрации губернатора области и бывший заместитель главы Екатеринбурга Владимир Тунгусов после ухода с должности упоминается в СМИ на порядок реже и почти совсем не упоминается в качестве «серого кардинала». Актриса шоу «Уральские пельмени» Юлия Михалкова, чье участие в выборах депутатов Екатеринбургской думы активно освещалось в СМИ, спустя полгода почти не присутствует в медиа. О топониме «Грязьбург» медиа вспоминают в период активного таяния снега (март), о «Путинграде» — когда речь заходит о взаимоотношениях с федеральным центром.

В то же время «Белую башню» никак иначе не называют вообще. Более того, иногда СМИ забывают об изначальном функциональном предназначении этого объекта (водонапорная башня) и кроме как объект культуры его не воспринимают. Так, из 15 упоминаний в марте 2019 г. все 15 включали в себя идентификатор «Белая башня», и лишь в 11 вспоминали о том, что же это вообще такое. Аналогична ситуация с плотиной на реке Исеть в центре Екатеринбурга, получившей название «Плотинка».

При этом Белую башню и Плотинку следует выделить особо. Поскольку эти идентификаторы были заимствованы в СМИ из обиходного общения. Прочие же были введены в оборот самими журналистами. И соотношение упоминаний в прессе объекта как такового и объекта с идентификатором отлично показывает, что названия, родившиеся «естественным» образом, гораздо более устойчивы в массовой коммуникации, нежели те, что были введены посредством медиа. Это открывает возможности для пересмотра множества концепций,

касающихся способности медиа создавать устойчивые образы и формировать региональную идентичность.

Журналистские штампы не получают массового хождения даже внутри корпоративной культуры, которая транслируется в публикациях СМИ. Можно предположить, что их восприятие аудиторией также находится не на высоком уровне.

Но между тем если мы обратимся к медиа, которые не попали в выборку «Медиалогии», например к федеральным изданиям, пишущим о событиях в Свердловской области, мы увидим, что они почти не обращаются к данным идентификаторам или не обращаются вовсе. Таким образом, мы наблюдаем классический случай односторонней имперской концепции коммуникации «от центра к периферии», в которой провинция воспринимается как объект, у которого можно заимствовать информационные поводы, но не их смысловое наполнение.

Список использованной литературы

1. Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. М. : Нов. изд-во, 2011. 286 с.
2. Мансуров Т.З. Теоретико-методологические подходы к проблеме региональной идентичности в политической науке // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 181–190.
3. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, № 4. С. 65–77.
4. Кузнецова Е. В. Феномен массовой культуры: проблемы и противоречия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 3 (15). С. 89–95.
5. Касавин И. Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10. № 4. С. 5–16.
6. ТОП-25 самых цитируемых СМИ Свердловской области — 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6429/> (дата обращения: 12.05.2019).

«ДОЛГОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО»: К КРИТИКЕ НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

В статье анализируется трансформация властного дискурса в России в конце 10-х годов XXI века. Кризис глобализации как магистрального пути развития для всего человечества привел к откатам к национальным формам развития. Подобный возврат предусматривал создание новой социально-политической мифологии вкупе с радикальной трансформацией властного дискурса. В России этот процесс осуществляется уже довольно давно. В данной работе делается акцент на специфике национальной мифологии, методах ее конструирования, а также эффективности реализации в социальном поле.

Ключевые слова: политический миф, национализм, Российское государство, властный дискурс.

Французский мыслитель Ролан Барт определял задачу мифа как «преобразование исторической интенции в природу, преходящее — в вечное. Функция мифа — удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетающей реальностью, он ощущается как ее отсутствие» [1, с. 298]. Такова главная функция мифологической системы как системы знаков, как метаязыка — сохранять и поддерживать властную иерархию. Он натурализует любое понятие, описывающее социально-политическую реальность, превращая его в образ, который естественным для потребителя мифа путем влечет за собой понятие. «Означающее как бы обосновывает собой означаемое» [2, с. 132]. «Миф существует с того самого момента, — пишет Барт, — когда “французская имперскость” превращается в природное состояние; миф — это чрезмерно обоснованное слово» [1, с. 303].

«Возвращение» мифологического дискурса — использовать само слово «возвращение» применительно к мифологическому дискурсу в капиталистическом обществе не совсем корректно, ведь неолиберальный порядок конструируется на мифах *par excellence*, однако главное отличие мифа в неолиберальном порядке в том, что миф в нем — «левый» (пользуясь терминологией Барта) и «леволиберальный»; мы же говорим в данной статье о «правом» мифе, и именно поэтому «возвращение» взято в кавычки — обычно связывается с отрицанием мондиализма и «откату» к традиционным (консервативным) ценностям, ставящим на первое место национальное государство, семью, и капиталистические страты («молчаливое большинство»: рабочие, фермеры и т. д.). Волна популизма в 10-х годах XXI века, наиболее знаковыми событиями которой стал референдум в Великобритании по выходу из ЕС и победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года, манифестировала откат к старому международному (а значит, и властному) порядку. Мифологический дискурс тем самым оказался особенно востребован политиками, уловившими тенденции недовольства мондиализмом населения разных стран и использовавшими это недовольство как инвестицию для победы на выборах.

Число стран, в которых националистические лидеры и партии приходят к власти, растет довольно быстро: среди таких стран Бразилия, Великобритания, Австралия, США, Венгрия, Италия, Австрия. Миф в этих странах может отличаться по форме — так, новый премьер Австралии Скотт Моррисон увещевал голосовать за свою партию, в противном случае «29 лет экономического развития без стагнации» могут закончиться сильными кризисами, а президент Бразилии Жаир Болсонару винил в экономических и социальных бедах страны левых интеллектуалов и социалистов, обещая «изгнать марксистов» из бразильских университетов — сущностно он всегда един и направлен на сохранение статус-кво властной иерархии [3, с. 78].

Россия, с одной стороны, занимает особое «вне-положение» в неолиберальном миропорядке, отрицая его ценности уже достаточно давно, а с другой — является отличным примером того, как конструируется, развивается и трансформируется националистическая «правая» мифология. Мы обратимся к ряду текстов, напи-

санных крупными «правыми» интеллектуалами, обслуживающими функционирование властной иерархии в современной России. Один из таких людей — Владислав Юрьевич Сурков, помощник президента Российской Федерации. В начале февраля 2019 года он опубликовал знаковую статью под названием «Долгое государство Путина» с симптоматичным подзаголовком: «О том, что здесь вообще происходит». Уже в нем он предзадал будущую форму и структуру своего текста, а именно принадлежность текста «второй степени языка» [3, с. 71–72]. Статья Суркова описывает реалии и функционирование государственной системы, созданной президентом Владимиром Путиным, но на деле же подменяет научное описание системы и процессов внутри нее яркими образами, которые формируют сами базовые понятия, в которых Сурков и объясняет происходящие в России социально-политические процессы.

Метаязык Суркова предельно насыщен и многообразен. Вспомним Барта: «Угнетатель же, по сути, все, его слово богато и гибко-разнообразно, оно может быть сколько угодно величавым, ведь в его исключительном владении находится метаязык» [1, с. 310]. И посмотрим на одну цитату из текста Суркова о становлении текущей политической системы: «Невозможный, противоестественный и контристорический распад России был, пусть и запоздало, но твердо остановлен. Обрушившись с уровня СССР до уровня РФ, Россия рушиться прекратила, начала восстанавливаться и вернулась к своему естественному и единственно возможному состоянию великой, увеличивающейся и собирающей земли общности народов. Нескромная роль, отведенная нашей стране в мировой истории, не позволяет уйти со сцены или отмолчаться в массовке, не сулит покоя и предопределяет непростой характер здешней государственности» [4].

Сурков активно оперирует метафорическим языком, придумывая неологизмы вроде «глубинного народа», который, по его мысли, непознаваем и «естественен»: «Глубинный народ всегда себе на уме, недостижимый для социологических опросов, агитаций, угроз и других способов прямого изучения и воздействия» [4]. Эта «естественность» понятий у Суркова подменяет использование научных методов анализа общественных отношений и создает бесконфликтную картину этих

отношений. В этом мифе о российской политической системе «все институты подчинены основной задаче — доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражданами», а дискредитировавшие себя западные институты и демократические ценности «считаются отчасти ритуальными, заведенными больше для того, чтобы было “как у всех”, они как выходная одежда, в которой идут к чужим, а у себя по-домашнему, каждый про себя знает, в чем» [4].

Особая театральность метаязыка у Суркова — характерная черта «правой» мифологии. Она достигает своего апогея при описании Российского государства в текущей его вариации: «Государство у нас не делится на глубинное и внешнее, оно строится целиком, всеми своими частями и проявлениями наружу. Самые brutальные конструкции его силового каркаса идут прямо по фасаду, не прикрытые какими-либо архитектурными излишествами. Бюрократия, даже когда хитрит, делает это не слишком тщательно, как бы исходя из того, что “всё равно все всё понимают”» [4]. Таким образом, Российское государство, по Суркову, «вечное государство» (почему он и подчеркивает на протяжении всего текста преемственность каждого политического режима на территории России), как бы застывшее в своей природности на изначальном этапе своего становления, а трансформируется лишь его форма. Модернизацию государственных институтов (формы) осуществляют лишь наиболее выдающиеся деятели российской истории и никакими историческими законами объяснить трансформацию Российского государства невозможно. Однако в данной исторической форме («государство Путина») оно достигает вершины своего развития, что позволяет ему, по Суркову, «вмешиваться в мозг западного человека» [4] и в дальнейшем стать образцовой моделью государственной системы для многих стран.

Другой представитель современного интеллектуального и политического истеблишмента России, занимающий более высокую должность председателя Конституционного суда, Валерий Дмитриевич Зорькин в ряде статей рассуждает более сложным способом. Его «русский миф» тоже носит естественный характер, однако более рационален. Так, в майской статье, рассуждая о кризисе постмодернистского подхода к праву, он утверждает, что выходом из сложившегося

кризиса может стать метамодернистский проект. «Если попытаться выразить эту мысль в тех образах, которыми оперирует искусство, то я бы сформулировал ее в виде следующего вопроса: не пора ли человечеству, явно уставшему и от классической строгости модерна, и от какофонии постмодерна, попробовать настроиться на восприятие более глубокой, сдержанной и тревожной мелодии, выражающей духовный опыт русской религиозной философии с ее, по выражению российского философа А. В. Гулыги (1921–1996), “предчувствием общей беды и мыслью о всеобщем спасении”?» [5].

По мысли Зорькина, Россия, так и не шагнувшая до конца в постмодернистский проект, но и не полностью освоившая «правовые, культурные, социальные и политические» нормы модерна, обладает потенциалом стать «форпостом» метамодернистского проекта. И здесь рациональность и научность Зорькина исчезает и начинается образность, ведь обосновать наличие этого мессианского начала у России он не может никак, кроме как прибегая к поэтичному и метафоричному языку. На деле же рассуждения Зорькина служат фундаментом для очередного (более интеллектуально изысканного) национального мифа. В статье 2014 года он называет крепостное право одной из главных скреп, быстрое разрушение которых запустило процесс разрушения общества. «Она (реформа) разрушила уже и без того заметно ослабевшую к этому времени связь между двумя основными социальными классами нации — дворянством и крестьянами. При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации. Не случайно же крестьяне, по свидетельству историков, говорили своим бывшим господам после реформы: “Мы были ваши, а вы — наши”» [6]. Пример Зорькина — это пример того, как властный дискурс может создавать себя сам, когда занимаемое человеком (какими бы достоинствами он ни обладал и какими бы благими намерениями ни руководствовался) место в самом дискурсе служит средством его дальнейшего воспроизводства.

Работы третьего представителя политического истеблишмента Владимира Ростиславовича Мединского, министра культуры, являются собой очень хороший пример текстов «второй степени языка».

Были написаны они еще до вступления в должность министра культуры и посвящены развенчанию разнообразных мифов о России. На деле же эти тексты служат созданию новых национальных мифов, адаптируемых под современные реалии. Взглянем на несколько цитат из работ Мединского. «Факты сами по себе значат не очень много. Скажу еще грубее: в деле исторической мифологии они вообще ничего не значат. Все начинается не с фактов, а с интерпретаций. Если вы любите свою родину, свой народ, то история, которую вы будете писать, будет всегда позитивна» [7, с. 650]. «Если вы руководитель российского государства, то думать вы будете в первую очередь о своих подданных. И если нужно пустить голых на снег финнов, чтобы ваш народ был в безопасности, вы будете разорять и изгонять финнов» [7, с. 112]. «Русский миф» Мединского сделан более грубо: сам факт реальности для него не важен, равно как и язык-объект. Важна лишь интерпретация реальности, метаязык власти, отсылающий лишь к самому себе и осуществляющий, как говорит Барт, «подмену Истории Природой».

По какой причине такое большое количество людей поглощено разными видами национальной мифологии, которая, как мы рассмотрели выше, может иметь разные формы? Эта мифология помогает зафиксировать внимание людей на какой-то специфичной проблеме, переживаемой в воображаемом настолько сильно, что заставляет поверить в отсутствие проблем в обществе, связанных с социальной дифференциацией. А также перенести эти проблемы на внешние факторы — фактор «внешнего врага», например. Власть тем самым разыменовывает себя, ставя на равнее все общественные страты и классы, создавая собственную анонимность. «Для полной эффективности ее разыменования нужно, чтобы машинистка, получающая двадцать пять тысяч франков в месяц, узнавала себя в богатой буржуазной свадьбе» [1, с. 303].

Проанализировав властный дискурс современной России с позиции мифа, можно сделать вывод о характере новой национальной (националистической) мифологии, вызревающей в рамках нового антимондиалистского международного порядка. «Русский миф» апеллирует к «естественности» форм исторического развития Рос-

сии — воинственно отрицая любые попытки рационального осмысления, он настаивает на «непостижимости» отношений между народом и властью, подчеркивает эссенциалистский характер «русской души» и стремится положить в основу любого социального анализа образность. Язык «русского мифа» показательно ярок, многообразен и нетранзитивен именно поэтому. Создатели новых мифов имеют своей целью упрочить властную иерархию, всячески затушевывая внутрисоциальный (экономический, политический, культурный) конфликт и рисуя идиллическую картину единства власти и народа, подчеркивая их нерушимую и естественную (исходя из их трактовки русской истории) связь.

Список использованной литературы

1. *Барт Р.* Мифологии / пер. С. Зенкина. М. : Академический проект, 2014. 351 с.
2. *Барт Р.* Литература и метаязык // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994. С. 131–133.
3. *Барт Р.* Ролан Барт о Ролане Барте / пер. С. Зенкина. М. : Ад Маргинем, 2014. 224 с.
4. *Сурков В. Ю.* Долгое государство Путина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html?ref=tjournal.ru (дата обращения: 22.05.2019).
5. *Зорькин В. Д.* Право метамодерна: постановка проблемы [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения: 22.05.2019).
6. *Зорькин В. Д.* Суд скорый, правый и равный для всех [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/09/26/zorkin.html> (дата обращения: 22.05.2019).
7. *Мединский В. Р.* Война: мифы СССР. 1939–1945. М. : Олма Медиа групп, 2011. 658 с.

О. В. Язовская

кандидат культурологии, доцент УрФУ,
Екатеринбург;
ст. преп. ЧелГУ,
Челябинск

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИМПЕРСКОСТИ И КУЛЬТУРНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В РОССИИ И ЯПОНИИ ЭПОХИ ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА*

В статье рассматриваются особенности функционирования проектов культурной дипломатии на примере России как стране — лидере СНГ и Японии как стране — лидере Дальневосточного региона в современную эпоху постколониализма. Среди прочего внимание уделяется государственным агентствам — проводникам программ в области культурной политики: Японский фонд, Россотрудничество и фонд «Русский мир». Установлено, что ведущим направлением трансляции культурных ценностей становится изучение языка, реализуемое на базе культурных центров по всему миру.

Ключевые слова: культурная дипломатия, культурный империализм, имперскость, эпоха постколониализма, Японский фонд, Россотрудничество, фонд «Русский мир».

Современный постколониальный мир все чаще характеризуется такими понятиями, как империя и империализм, когда речь идет об описании взаимодействия между странами и регионами [1]. Среди прочего наиболее подробная интерпретация империи представлена в исследовании немецкого теоретика Г. Мюнклера. Он отмечает несовпадение имперских и государственных границ, разницу гегемонии

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00273 «Имперскость эпохи постколониализма в массовой культуре США, Японии и России».

и империи, где последняя подчиняет себе периферию и ставит ее в зависимость от центра, а также некоторую случайность появления империи и несвязность ее с империализмом [2]. В этой связи представляется значимым рассмотрение конкретного стремления к образованию империй в виде политики культурного империализма, которая может быть представлена и в виде такой формы публичной дипломатии, как культурная дипломатия. В своем классическом употреблении культурная дипломатия связывается с политикой мягкой силы, наиболее понятное определение данной политики предложил американский политолог Джозеф Най: «Что такое мягкая сила? Это способность получать то, что вы хотите, с помощью привлечения, а не принуждения или платежей. Это вытекает из привлекательности культуры страны, политических идеалов и политики. Когда наша политика рассматривается как законная в глазах других, наша мягкая сила усиливается» [3, р. X]. Мягкая сила в этом смысле не всегда преследует цель доминирования, как в случае культурного империализма, и является более широким понятием. Тем не менее, поскольку культурный империализм, согласно концепции Й. Галтунга [4], предполагает воздействие центра на периферию или же подконтрольные регионы посредством культуры, то мы можем вести речь о культурной дипломатии и политике мягкой силы применительно к новым формам империи.

Далее нам представляется значимым рассмотреть конкретные примеры работы культурной дипломатии для стран — лидеров регионов — России как лидера стран СНГ и Японии как лидера Дальневосточного региона, чтобы представить сравнительную характеристику их направлений деятельности в этом ключе. На примере Великобритании обычно выделяют основные направления культурной дипломатии, которые могут быть обозначены как продвижение языка, образовательных программ, научных и инновационных программ, культурного обмена и международного развития [5].

А. Е. Куланов предлагает понимать культурную дипломатию Японии следующим образом: «Под культурной дипломатией Японии понимается особый вид информационно-разъяснительной работы Министерства иностранных дел. Она направлена на то, чтобы разви-

вать понимание и доверие граждан иностранных государств по отношению к Японии, на установление благоприятной международной обстановки для проведения Японией своей внешнеполитической линии, а также на то, чтобы создать положительный образ государства в мировом сообществе» [6, с. 116]. В структурах японского МИДа есть специальные департаменты и отделы, которые занимаются проведением данной политики: Департамент публичной дипломатии и информационные центры посольств Японии за рубежом. МИД Японии занимается следующими направлениями культурной дипломатии: культурные международные обмены в широком смысле слова, то есть обмены в области культуры и искусства, науки и образования, спортивные обмены; связи с общественностью в виде культурных мероприятий, иностранного туризма и работы с прессой.

Подробно рассматривая каждое из направлений, А. Е. Куланов в качестве наиболее эффективного выделяет *обмен людьми и программы образовательных и спортивных обменов*, к которому относятся не только обмен и выдающимися личностями, но и различные программы молодежных обменов, реализуемые различными фондами (Японский фонд, Японо-российский центр молодежных обменов). Основным направлением привлечения молодежи выступают курсы по изучению японского языка. В рамках таких обменов также работает поддержка клубов и федераций восточных единоборств. Также эффективны и *обмены в области культуры и искусства*. И если в 1970–1980 гг. больший акцент делался на традиционные искусства, то сейчас также ведется и продвижение массовой культуры [7, с. 313–317; 8]. Ежегодно проводится фестиваль японского кино, а 2018 год прошел под эгидой Года Японии в России с обширной программой культурных мероприятий [см.: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/japan2018/ru/index.html>]. Отдельным пунктом валяются *обмены в области науки и развития японоведения за рубежом*, среди прочего особенно заметной являются открытые лекции ведущих японских ученых, перевод значимых японоведческих исследований на английский язык, научное сотрудничество японских ученых с иностранными вузами. Также Япония занимается *двусторонним культурным сотрудничеством*

и взаимодействием через ЮНЭСКО и оказывает финансовую поддержку культурным проектам развивающихся стран под эгидой ООН.

Второе направление японской культурной дипломатии развивается в сфере связей с общественностью. А. Е. Куланов отдельно выделяет специальные программы по развитию понимания и продвижения образа Японии и зарубежную прессу о Японии. В эту программу входит также деятельность различных центров, которые занимаются популяризацией изучения японского языка и культуры за рубежом. В рамках изучения языка посредством страноведческой литературы и различных ресурсов в сети Интернет японский МИД доносит свою позицию, например по вопросу Северных территорий. Наиболее значимыми новостными и просветительскими интернет-ресурсами о Японии для России являются сайт посольства Японии в России (<https://www.ru.emb-japan.go.jp>), портал «Веб-Япония» (<https://web-japan.org>), сайт Японского фонда (<https://jpfmw.ru/>), новостной портал Nippon.com (<https://www.nippon.com/ru/>) и др.

Ключевым агентом японской культурной дипломатии и политики мягкой силы, согласно С. В. Чугрову, является правительственная организация «Японский фонд» (Japan Foundation) [9, с. 62]. Фонд был основан в 1972 г. в качестве независимой административной организации МИД Японии, с 1 октября 2003 г. фонд является юридический самостоятельной организацией. Структурно у фонда есть два офиса в Японии (головной в Токио, филиал в Киото), два подведомственных института (Институт японского языка в Урава, Сайтама, и Институт японского языка в Кансай, Осака), а также 25 филиалов в 25 странах мира, в том числе и в России (Отдел японской культуры Japan Foundation в ВГБИЛ в Москве). Основными направлениями деятельности фонда являются продвижение культурного обмена, японского языка и научных исследований о Японии за рубежом, а также оказание помощи в сборе и предоставлении информации по международному обмену. В двух институтах фонда принимают представителей иностранных посольств, ученых, деятелей культуры для обучения японскому языку, проводят обучение иностранных преподавателей японского языка. Фонд также проводит программы финансирования перевода японской литературы на другие языки, занимается

поддержкой проведения международного экзамена на определение уровня знания японского языка «Нихонго норёку сикэн» [см.: jpfmw.ru]. В целом мы можем сказать, что деятельность Японского фонда отражает и успешно реализует основные направления современной культурной дипломатии Японии.

Обратимся в примеру реализации культурной дипломатии в нашей стране. Согласно Р. С. Мухаметову, основным направлением деятельности в рамках культурной дипломатии в России является экспорт образования, укрепление позиций русского языка и популяризация русской культуры. Как отмечает Р. С. Мухаметов, данные направления способствуют созданию положительного образа России в мире: «Культурные связи призваны работать на благоприятного и объективного образа России в мире, должны порождать и поощрять чувства симпатии к нашей стране, множить число ее друзей, демонстрировать открытость российского общества и служить свидетельством возрождения России в качестве свободного и демократического государства» [10, с. 197]. По мнению С. Н. Гаврова и Л. Е. Вострякова, реализация различных проектов культурной дипломатии способствует созданию притягательного бренда российского государства [11].

В экспорт образования входит работа зарубежных филиалов российских вузов, многие из которых представлены в странах СНГ, гранты и стипендии для иностранных студентов в России, а также система российско-национальных (славянских) университетов. Такие университеты работают в Армении, Белоруссии, Киргизии и Таджикистане, преподавание в них ведется на русском языке по образовательным стандартам, принятым в России. Продвижением русского языка за рубежом занимаются Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественники, проживающих за рубежом, и международное гуманитарное сотрудничество (Россотрудничество) и фонд «Русский мир».

Россотрудничество введет свою историю еще с начала XX в., когда было известно под названием Всесоюзного общества культурной связи за границей. В своей текущей форме организация появилась по указу Президента РФ в 2008 г. [12]. Представительства Россотрудничества работают в 81 стране, среди них 74 российских центра

науки и культуры и 24 представителя Агентства в составе посольств. Основным направлением деятельности является реализация различных программ совместно со странами — участниками Содружества Независимых Государств. Отдельным приоритетом стоит работа с молодежью, который реализуется в виде программ краткосрочных ознакомительных поездок в Россию «Новое поколение» и «Здравствуй, Россия!». В сферу задач агентства также входит продвижение русского языка в мире с помощью учебных курсов. Другой задачей агентства выступает продвижение российского образования и науки за рубежом, для этого создаются программы студенческого обмена и оказывается поддержка межуниверситетского взаимодействия. Помимо этого, Россотрудничество наряду с другими ведомствами работает соотечественниками за рубежом и занимается программой содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию. Также Россотрудничество выделяет средства и оказывает помощь в проведении различных культурных мероприятий, например выставок из собрания Государственного Эрмитажа и Русского музея, проведения Дней России и т. п. [см.: <http://rs.gov.ru>].

Фонд «Русский мир» был создан Указом Президента Российской Федерации в 2007 г. [13]. Основные направления деятельности фонда связаны с поддержанием русского языка за рубежом. Среди прочего это могут быть не только курсы изучения русского языка, но и поддержка российских диаспор, поддержка русскоязычных СМИ, способствование сохранению рукописного наследия. Фонд проводит ежегодные Ассамблеи Русского мира в России, в рамках которого проводятся встречи представителей зарубежных российских альянсов, переводчиков и деятелей культуры, награждения участников конкурсов фонда (например, телевизионный конкурс «Корреспондент Русского мира», международный конкурс молодых журналистов «Со-Творение»). Основная международная деятельность фонда представлена работой Русских центров по всему миру, чьими задачами является предоставление качественного обучения русскому языку на основе современных методик, знакомство с русской культурой, предоставления доступа к учебной и научно-популярной литературе, а также организация художественных акций и научных дискуссий.

На данный момент в 48 странах мира работает 100 Русских центров, помимо этого, в 56 странах оборудовано 114 Кабинетов Русского мира [см.: russkiymir.ru].

Представленная выше деятельность в рамках культурной дипломатии на примере России и Японии в эпоху постколониализма позволяет обнаружить ряд схожих черт. Мы можем отметить, что упор делается на продвижении родного языка как основного проводника к культурному достоянию и ценностным доминантам обеих стран. Для этого при поддержке правительств организуются специальные агентства, курирующие данную деятельность. Данные агентства разворачивают по всему миру сеть представительств в виде учебных центров, в первую очередь направленных на освоение языка, а уже в дальнейшем на знакомство с культурой и историей страны, для чего при центрах формируется библиотечная и ресурсная база. Также агентства занимаются поддержкой различных культурных проектов и фестивалей, занимаются продвижением научных достижений и способствуют созданию межуниверситетских связей. В этом смысле данные программы культурной дипломатии России и Японии согласуются общей концепцией политики мягкой силы, представленной на примере Великобритании.

Список использованной литературы

1. Язовская О. В., Гудова Ю. В. Империалистический дискурс в постколониальную эпоху: обзор концептуальных подходов // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 35–39.
2. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М. : Кучково поле, 2015. 400 с.
3. Nye Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.
4. Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // Journal of Peace Research. 1971. Vol. 8 (No. 2). P. 81–117.
5. Харитоновна Е. М. «Мягкая сила» Великобритании. М. : ИМЭМО РАН, 2018. 139 с.
6. Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии // Ежегодник Японии. 2007. № 36. С. 116–130.

7. *Катасонова Е.Л.* Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М. : Восточная литература, 2012. 357 с.

8. *MacGray D.* Japan's Gross National Cool // Foreign Policy. 2002. No. 130. P. 44–54.

9. *Чугров С.В.* Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 53–67.

10. *Мухаметов Р.С.* Культура как инструмент внешней политики России // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 86, № 1. С. 193–198.

11. *Гавров С.Н., Востряков Л.Е.* Культурная дипломатия как инструмент конструирования и трансляции притягательного бренда российского государства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 26–33.

12. О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества : Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020>

13. О создании фонда «Русский мир» : Указ Президента Российской Федерации от 21.06.2007 г. № 796. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689>

ABSTRACTS AND KEYWORDS

1. UNIVERSITY AS THE UNIVERSE OF LANGUAGES AND CULTURES

Berezovskaya E. A., Kirisheva T. I.

Polycultural and Polylingual Competence of the Teacher and Student: From the Experience of Work With Foreign Students

The article deals with the development of polycultural and polylingual competence of teachers and foreign students, presents a primary synthesis of the experience of teaching Chinese students. The authors outline ways to improve the efficiency of education of foreign students in the Russian University, offer specific methods and techniques, as well as forms of work with this category of students.

Keywords: polycultural and polylingual competence, teaching foreign students.

Grishina E. V., Kondyurina I. M., Bushueva E. L.

Subject-Specific Basis for the Formation of the Receptive Component of Multilingual Competence

The problem of multilingualism teaching within the framework of specialists' vocational preparation is covered in this article. The necessity of applying of competency-based and activity approaches is proved towards to the forming of multilingual competency. Teaching programme receptive aspect of indicated competency is gained a particular importance, taking account definite

components. The concept of linguistic consciousness is given special attention. The authors give gradual description to the trial facilities.

Keywords: multilingual competency, receptive component, extralinguistic institute of higher education, activity approach, foreign language.

Gruba N. A., Svetlova A. A.

Comparative Analysis of the Content of Training of Future Translators at the Universities of the USA and Russia

The rapid pace of development of international relations increases the importance of intercultural communication. In this regard, the professional training of translators plays an important role in the global space. This article presents a comparative analysis of the content of training of future translators in universities of the USA and Russia. The differentiation of the network of universities, multilevel training programs for translators, training prospects are considered. Studied requirements «at the entrance», i. e. when entering universities, as well as «at the exit», i. e. to the formation of basic knowledge, skills and abilities (competencies) of graduates.

Keywords: intercultural communication, analysis, training of translators, universities, prospects.

Magomedov D. M.

Problems of Polylingual Education in the Republic of Dagestan

In modern universities, much attention is paid to socially significant qualities, including multilingual knowledge, skills and abilities. At present, the multilingual environment requires the training of highly qualified individuals from the pedagogical community. The need to master several languages is associated with the prospects for obtaining high-quality higher education in the chosen specialty, with successful human life in the modern world, the possibility of continuing education abroad or working in a foreign language country. Multilingualism becomes a prerequisite for successful adaptation of a person to the modern social environment. A multilingual personality is a person with a pronounced national identity, possessing a high level of intercultural competence, possessing two or three languages, a person who is tolerant and associated with universal human values.

Keywords: multilinear education, bilingualism, Dagestan languages, Russian, English, culture.

2. MULTIMODAL, MULTIPLE LITERACY AND CULTURAL INTELLIGENCE

Nekrasov S. N.

Reading of Sign Systems and Renaissance of Literacy, Truth and Science

In times of crisis, neither literacy nor post-literacy is suitable for humanity's knowledge, the only option remains for a scientific reading of society as a combination of semiotic systems. Since the crisis of globalization requires new literacy, an appeal to social science, time also requires projects of future and needs realist utopians. There is an acute question of choosing a scientific reading strategy. Critical social science, accepting the need for utopia and reading semiotic systems, creates an integrative model of the world on the basis of binary oppositions. The leading and most promising sector is left-wing conservatism, which has traditionally been occupied by the USSR. Since the cause of the decline of truth in the new century is relativism, humanity needs new literacy and a new reading strategy to move from adaptation to social creativity.

Keywords: literacy, post-literacy, scientific strategy of reading, new literacy, binary oppositions, relativism, utopia, semiotic systems, left-handed conservatism, city, critical social science, decay of truth, post-truth.

Teush O. A.

Polycultural Interaction in the European North of Russia (Based on the Names of Settlement Types)

The article is devoted to cultural contacts in the European North of Russia and their reflection in the vocabulary of dialects of the European North of Russia. The names of settlement types borrowed from the languages of local peoples are considered. Lexemes are etymologized: languages-sources of borrowing are determined.

Keywords: European North of Russia, lexeme, semantics, meaning, borrowing, Russian language, Baltic-Finnish languages, Sami language, Komi language.

Timoschuk A. S., Trofimova N. N.

Post-Literacy in the Process of Mediation of Communicative Reality

Informatization and mediatization are two interrelated processes of introducing a telecommunication environment and mediating social interactions

through information resources. These sociotechnical politicians actualize the issues of media consumption, media literacy, digitalization and culture retranslation. The paper analyzes the concept of “post-literacy” in connection with media competence and communicative rationality.

Keywords: informatization, digitalization, mediatization, post-literacy, linguisticism, fourth power, media power, fifth power, power of social networks.

3. THE PHENOMENON OF EMPIRENESS IN MASS CULTURE IN THE POST-LITERACY ERA (ROUND-TABLE DISCUSSION)

Gudova I. V.

Empireness and Cultural Imperialism: the Formulation of the Question

The article is devoted to postcolonial studies. The author gives brief descriptions and definitions of the concepts of “empireness” and “cultural imperialism”. The variety of forms of cultural imperialism is listed. The main characteristics of imperialism in the concept of H. Munkler are highlighted. In conclusion, the author lists a number of questions that the researchers have yet to answer in the study of this topic.

Keywords: empireness, cultural imperialism, H. Munkler.

Bakumenko G. V.

Dynamics of the Value of Success of Collective and Individual Activities in the US Box Office

It is considered that the originality of American culture is due to the primacy of individualism, and Russian, as opposed to Western cultures in general, is collectivist. Meanwhile, a set of qualitative and quantitative methods for studying the array of films of film distribution in the USA 1980–2019. allows you to capture the dynamics of changes in value priorities in the symbols of success of collective and individual activities. We have to admit that collectivism and individualism as ideological stereotypes of the self-identification of cultures do not reflect the real picture of the development of value-semantic complexes that influence social behavior.

Keywords: culture, values, variability, dynamics, sociocultural process, business success, success symbols, cinema.

Gileva E. V.

Rudiments Notions of the Empire in Modern Writing Folk Art

The article describes the notions of empire and imperial, characteristic of mass consciousness. The study is done on the material of amateur poetry. The author examines the use of words that reflect the imperial theme in amateur poetry. In addition, the author describes the peculiarities of the manifestation in the amateur poetry of images describing the typical Russian cultural space of the epoch of the Russian Empire and images related to the experience of elements of imperial character of Russia in different historical periods.

Keywords: written folk art, amateur poetry, representations about empire, mass consciousness.

Kurilchenko S. S.

Journalistic Stamps as a Form of Regional Identity in Media on the Example of Sverdlovsk Region

This study, based on the methodology of discourse analysis, compares various definitions used by the media of the Sverdlovsk region to refer persons, objects, topographic units, etc. They acquire new connotations and can be a peculiar form of regional identity. This can be an interesting meaning in the context of the imperial intellection.

Keywords: media, mass-communication, discourse, identifier, identity, imperial, Yekaterinburg, Sverdlovsk region.

Livadnov G. S.

«Long-termed Russian State»: Towards Criticism of New National Mythology

The article analyzes the transformation of power discourse in Russia in the late 10-ies of the XXI century. Crisis of globalization as the main way of development of all mankind has led to «kickbacks» to national forms of development. This return ensured the creation of a new socio-political mythology combined with a radical transformation of the power discourse. In Russia, this process has been carried out for a long time. The article discusses the features of national mythology, methods of its construction, as well as the effectiveness of implementation in social sphere.

Keywords: political myths, nationalism, Russian state, discourse of power.

Cultural Diplomacy as an Instrument of Empireness and Cultural Imperialism in Russia and Japan in the Post-Colonial Era

The article discusses the features of the functioning of cultural diplomacy projects on the example of Russia as the leader country of the CIS and Japan as the leader country of the Far Eastern region in the modern post-colonial era. Among other things, attention is paid to government agencies conducting cultural policy programs: the Japan Foundation, Rossotrudnichestvo and the Russkiy Mir Foundation. It has been established that the leading direction in the translation of cultural property is the study of language, implemented on the basis of cultural centers around the world.

Keywords: cultural diplomacy, cultural imperialism, empireness, post-colonial era, Japan Foundation, Rossotrudnichestvo, Russkiy Mir Foundation.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
-----------------------	---

1. УНИВЕРСИТЕТ КАК УНИВЕРСУМ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Березовская Е. А., Киришева Т. И.

Поликультурная и полилингвальная компетентность преподавателя и студента: из опыта работы с иностранными студентами.....	6
--	---

Гришина Е. В., Кондюрина И. М., Бушуева Е. Л.

Предметно-специфическая основа формирования рецептивного компонента многоязычной компетенции.....	11
---	----

Груба Н. А., Светлова А. А.

Сравнительный анализ содержания подготовки будущих переводчиков в вузах США и России.....	18
---	----

Магомедов Д. М.

Проблемы полилингвального образования в Республике Дагестан....	25
---	----

2. МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ, МНОЖЕСТВЕННАЯ ГРАМОТНОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Некрасов С. Н.

Чтение знаковых систем и ренессанс грамотности, истины и науки....	32
--	----

Теуш О. А.

Поликультурное взаимодействие на Европейском севере России (на материале наименований типов поселений).....	40
---	----

Тимошук А. С., Трофимова Н. Н.

Постграмотность в процессах медиатизации коммуникативной реальности.....	55
--	----

3. ФЕНОМЕН ИМПЕРСКОСТИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ (круглый стол)

Гудова Ю. В.

Имперскость и культурный империализм: к постановке вопроса.....	64
---	----

Бакуменко Г. В.

Динамика ценности успеха коллективной и индивидуальной деятельности в кинопрокате США.....	69
--	----

Gileva E. V.

Rudiments Notions of the Empire in Modern Writing Folk Art.....	76
---	----

Курильченко С. С.

Журналистские штампы как форма региональной идентичности в медиа на примере Свердловской области.....	82
---	----

Ливаднов Г. С.

«Долгое российское государство»: к критике новой национальной мифологии.....	87
---	----

Язовская О. В.

Культурная дипломатия как инструмент имперскости и культурного империализма в России и Японии эпохи постколониализма.....	94
---	----

Abstracts and keywords.....	102
-----------------------------	-----

Научное издание

ПОЛИЛИНГВИЗМ И ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

Международный научный форум
(Екатеринбург, УрФУ, 20–23 мая 2019 г.)

Материалы свободных дискуссий,
постерной секции и круглого стола

Сборник статей

Редактор *Е. Е. Крамаревская*
Корректор *Е. Е. Крамаревская*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

*Электронное сетевое издание
размещено в архиве УрФУ
<http://clar.urfu.ru>*

Подписано 16.12.2019. Формат 60×84^{1/16}.
Уч.-изд. л. 6,39. Объем данных 2,23 Мб.
Гарнитура EB Garamond.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

